

Евгений Горохов

18+

Хроника кровавого века- 2

Перед взрывом

Евгений Петрович Горохов
Хроника кровавого
века – 2. Перед взрывом
Серия «Хроники
кровавого века», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55328412
SelfPub; 2020*

Аннотация

Продолжение истории семьи уральских казаков Балакиревых на фоне событий начала XX века. В Российской империи всюду восстания рабочих и бунты крестьян. Их подавляют войска и казаки. Николай II напуган революцией и попадает под влияние вороватого мужика Гришки Распутина, который, стремясь сохранить своё место подле царя, организует убийство премьер-министра Петра Столыпина. В стране идёт противостояние между полицией и революционерами. Германская разведка вербует агентуру в России, тем же самым занимается и русская разведка в Австро-Венгрии. Не дремлют и контрразведки в странах Европы, провал русского шпиона в Вене приводит к большой войне.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

150

Глава 1

«1905 год, как известно, характеризовался обилием организаций и объединений, возникающих и плодившихся буквально как грибы после дождя. Образовывались не только различные рабочие союзы – но все лица интеллигентных профессий, спешили создать свои объединения. Мы имели союзы адвокатов, инженеров, профессоров, учителей и даже чиновников. И все эти отдельные союзы объединялись в одном центральном органе, в Союзе союзов, который всё больше политизировался».

Из воспоминаний начальника Петербургского охранного отделения полиции жандармского полковника Герасимова А.В.

Ноябрь 1905 года.

В Петербург зима пришла в первый ноябрьский день. Обильно выпал снег на радость ребятишкам и на беду дворникам, которые, чертыхаясь, сгребали его с тротуаров, а потом раскидывали на проезжую часть. Ямщики да ломовые извозчики пересели с колёсных экипажей и телег, на сани. Полозья саней хорошо скользят по заснеженной мостовой.

На первый взгляд казалось, что город живёт обычной жизнью. Всё так же по вечерам много празднующегося народа на Невском проспекте. Конные экипажи и автомобили, (которых в Петербурге ещё было мало), подвозят публику в Мариинский и Михайловский театры, работают рестораны и трактиры, а когда ударили морозы, на улицах и площадях

дворники разожгли костры. Около этих костров обычно грелись дворники и городовые¹, им подолгу приходилось бывать на улице. Так же собирались у костров простолюдины – их плохая одежда не спасала от лютых холодов и злых ветров. Около костров, обычно этот народ сетовал на горькую судьбу. Сейчас эти люди вели те же разговоры, но с ненавистью поглядывали они на стоящих тут же городских, и громко заявляли:

– Ну, ничего, скоро отольются вам наши слёзы!

Что удивительно, городовые спокойно слушали бунтарей, не осаживали их, не волокли в полицейскую часть. Раньше за такие речи, вмиг бы скрутили! Нет, что-то не так в Петербурге.

Обратив внимания на эти сцены у костров, а потом, прогулявшись по Фонтанке и Невскому проспекту, вдруг замечаешь – здесь совершенно нет военных. В ресторанах офицеров по-прежнему много, но на улице они не появляются, передвигаются исключительно на извозчичьих экипажах. Пропали офицеры с проспектов и набережных! Не ходят больше по Невскому проспекту, выискивая девиц с жёлтыми билетами².

¹ Городовые – рядовые полицейские.

² Жёлтые билеты – в Российской империи у женщин занимающихся проституцией, полиция изымала паспорта, а взамен выдавала удостоверения личности, в которых ставилась отметка о прохождении медицинских освидетельствований. Эти удостоверения печатались на жёлтой бумаге. Отсюда название – «жёлтый билет».

После расстрела шествия рабочих в Петербурге 9 января 1905 года, (этот день в народе прозвали «Кровавое воскресенье»), в городе было несколько случаев убийств офицеров, вот и боятся они ходить по улицам.

В рабочие слободки не заходят городовые, тоже опасаются. Полицию там заменила рабочая милиция, теперь рабочие сами поддерживают порядок в слободках. Причём патрули рабочей милиции можно встретить не только в слободках, но и на улицах города. Появились в городе люди с красными повязками, они дают указания городовым, составляют протоколы на домовладельцев, не обеспечивающих у себя во дворах своевременную уборку мусора. Их распоряжения послушно выполняют городовые, околоточные³ и домовладельцы. Людей с красными повязками зовут – уполномоченные Совета рабочих депутатов Петербурга. Заседает этот Совет в помещении Вольного экономического общества⁴, верховодят там Хрусталёв-Носарь⁵ и Троцкий⁶.

³ Околоточные – должность в полиции Российской империи, аналогичная современному участковому инспектору полиции.

⁴ Ныне это учебный корпус Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, по адресу Московский проспект дом 33.

⁵ Георгий Степанович Носарь (он же Пётр Алексеевич Хрусталёв (литературный псевдоним) 1877-1919) – социал-демократ. Присяжный поверенный в Петербурге.

⁶ Лев Давидович Бронштейн за пропаганду идей марксизма в городе Николаев, в 1898 году был арестован и сослан в Иркутскую губернию. В 1902 году Лев Бронштейн раздобыл подложный паспорт и вписал туда фамилию своего надзирателя в Николаевской тюрьме – Троцкий. С этим паспортом он бежал из Ир-

Все изменения, произошедшие в столице Российской империи, мало интересовали управляющего Московского учётного банка Александра Ивановича Гучкова. После событий «Кровавого воскресенья», всколыхнулась вся Россия, везде забастовки, собрания и митинги. Напуганный всем этим император Николай II, 17 октября 1905 года издал Манифест, в котором объявлял о послаблениях в общественной жизни со стороны власти. Царь обещал учредить совещательный орган, куда будут избираться «достоинейшие из достойных». Никакими полномочиями этот выборный орган наделён не был, но русская интеллигенция всколыхнулась. Везде шли собрания либералов. В Москве, инициатором таких собраний выступил Александр Гучков, он даже предоставил для них свою квартиру.

Московские либералы решили объединиться с петербургскими, и создать свою партию. В Петербурге либералов возглавлял тайный советник барон Павел Леопольдович Корф. Обсудить вопросы объединения, Гучков и Корф, договорились за обедом, в ресторане «Донон», который находится на Мойке, возле Певческого моста.

В полдень на набережной Мойки почти нет народа – гимназисты и студенты на занятиях, чиновники сидят в присутствии⁷, а офицеры, на улицах появляться боялись. Потому Гучков, расплатившись с извозчиком, обратил внимание на

кутска за границу. Под фамилией Троцкий, Лев Бронштейн и вошёл в историю.

⁷ Присутствие – так раньше звались государственные учреждения.

шедшего по тротуару мужика. Одет тот был в поддёвку⁸, с непокрытой головой, длинные волосы и густая борода его, были спутаны и нечёсаны. Мужик походил на юродивого или на разбойника.

– Застудишь голову мил человек, – сказал Гучков. Он поёжился в своём пальто с бобровым воротником, пронзительный ветер пробирал не на шутку: – Вон как ветер прихватывает!

– Эх, барин, сказано в Писании: «Холод и зной, лето и зима, день и ночь, не прекратятся». Всё от Бога нам дано, – усмехнулся мужик, – а на то, что от Господа, роптать не следует, а претерпевать с прилежанием надобно.

– Да ты братец философ, – усмехнулся Гучков, – как звать-то тебя?

– Гришка, раб Божий, – поклонился мужик.

– Ну, счастливо оставаться раб Божий Григорий, – кивнул Гучков и вошёл в ресторан.

Мужик пошёл дальше. Фамилия у него была Распутин. Идти ему нужно до Каменного острова. Там на Сергиевской улице⁹, снимала особняк графиня Клейнмихель. Она должна была отвезти Гришку в усадьбу Сергеевку, которая находится в Петергофе.

Григорий Распутин родом из деревни Покровское Тобольской губернии. Смолоду он пьянствовал, воровал, за что

⁸ Поддёвка – русская верхняя, распашная одежда, с длинными рукавами.

⁹ Сергиевская улица – ныне улица Чайковского в Санкт-Петербурге.

не раз был бит мужиками. В 1887 году, когда ему было, восемнадцать лет, он после очередной кражи, что бы ни быть забитым до смерти, отправился странствовать по святым местам. Гришка пешком добрался до горы Афон¹⁰, оттуда пошёл в Иерусалим.

Обратно в Покровское он вернулся в 1890 году и тут же женился на такой же богомолке-страннице, как и он сам. Звали ту девицу Прасковья Дубровина, и была она старше Гришки на два года, (самому Распутину на момент женитьбы был двадцать один год).

В 1900 году, Гришка украл у покровского мужика Евсея Насонова лошадь с телегой и пропил. Не первая это была Гришкина кража, его уже били до полусмерти за воровство, насилиу бабка Лупаниха, местная ворожея, выходила. В этот раз его мужики точно убьют! Потому Гришка сбежал из деревни и вновь отправился странствовать по святым местам.

Летом 1903 года Распутин, возвращаясь пешком из Иерусалима, остановился в Киеве, на подворье Михайловского монастыря. Там в это время гостили черногорские княжны – сёстры Милица и Анастасия. Старшая Милица была замужем за великим князем Петром Николаевичем – кузеном царя. Младшая, была женой Георгия Максимилиановича 6-го герцога Лейхтербергского, который по матери так же дово-

¹⁰ Гора Афон – возвышенность в Греческой Македонии. По преданию в 49 году нашей эры сюда на корабле приплыла Богородица. Место на горе Афон так понравилось ей, что она попросила у Бога его «себе в удел».

дился кузеном Николаю II. Обе великие княжны были особы весьма набожные. Наслушавшись от монахов о «божьем человеке» Григории, они познакомились с ним, и были очарованы мистическими рассказами Распутина о святых местах. Анастасия и Милица пригласили Гришку ехать с ними в Петербург. С помощью великих княгинь тот рассчитывал сладко пожить «во городе Петербурхе», однако ему нужно было поддерживать славу «божьего человека», и Гришка сказал, что в Петербург пойдёт пешком. Милица и Анастасия, (которую все близкие звали Станой), снабдили Распутина рекомендательными письмами к епископу Сергию¹¹ и архимандриту Феофану¹².

В Петербург Гришка пришёл в ноябре 1903 года. Воспользовавшись рекомендательными письмами, остановился в монастырской келье Александро-Невской лавры. Там он свёл дружбу со священником отцом Медведем¹³. Этот священник был духовником многих богатых дам. Именно через него Гришка и попал в светские салоны Петербурга.

В то время, среди светских дам были популярны различные юродивые. Огромной славой пользовался дурачок-эпи-

¹¹ Епископ Сергей – Иван Николаевич Страгородский (1867-1944). С 1901 по 1907 годы викарий Санкт-Петербургской епархии, епископ Ямбургский.

¹² Архимандрит Феофан – Василий Дмитриевич Быстров (1872-1940). С 1900 по 1907 годы ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

¹³ Отец Медведь – Роман-Ярослав Иванович Медведь (1874-1937). С 1902 по 1907 годы священник храма Святой Равно Апостольской Марии Магдалины при Училище лекарских помощниц и фельдшерниц в Санкт-Петербурге.

лептик Митя Козельский, (Дмитрий Попов), житель городка Козельска, где его звали: «Коляба», «Гугнивый» или «Пискун». Голос у Мити был пискляв, а речь невразумительна, оттого и клички такие. Это в провинциальном Козельске над Митей смеялись, а в просвещённом Петербурге, он стал вхож в салоны великосветских особ, был представлен царской чете. Царь с царицей искренне верили в мистическую силу юродивых и сумасшедших. Однако, слабоумный эпилептик Митя Козельский стал надоедать светскому обществу, тут как раз и появился Гришка Распутин. Он был умнее всех этих дурачков, но возможно и он, в конце концов, надоел бы светским дамам, тут и случилась эта история: отец Медведь был духовником одной дамы – Ольги Лохтиной, жены статского советника Владимира Михайловича Лохтина. Статский советник – чин генеральский, только по гражданскому ведомству, потому Ольга Лохтина считалась генеральшей и была дамой из высшего общества. Мадам Лохтина часто жаловалась своему духовнику, на плохое самочувствие и депрессию. Доктора лечили её, но всё безуспешно. История вполне житейская, Ольге Лохтиной на тот момент было сорок три года, муж на двенадцать лет старше и давно утратил влечение к противоположному полу. К тому времени карты заменили Владимиру Николаевичу всякий интерес к жене, да и к другим женщинам. Ночи напролёт он проводил во Владимирском клубе. В то пуританское время, доктора не связывали плохое самочувствие и депрессию мадам Лохти-

ной, с отсутствием секса. Они прописывали жене статского советника всякие пилюли, от которой у бедной мадам Лохтиной болела печень.

Что бы отвлечь Ольгу Лохтину от горьких дум, отец Медведь привёл однажды к ней Гришку Распутина. В семь часов вечера, Владимир Николаевич Лохтин как обычно уехал во Владимирский клуб, а отец Медведь попив чаю, покинул квартиру Лохтиных, ему нужно было зайти ещё к одной своей прихожанке. У Гришки никаких дел не было, и он остался у Ольги. Та стала жаловаться «божьему человеку Григорию» о том, как она несчастна. У Гришки же вид страдающей мадам Лохтиной вызвал не сочувственные мысли, а вполне плотские.

«Небось, мужика хочешь, вот и причитаешь о несчастьи?! – усмехнулся про себя Гришка. Он оглядел круглую фигурку мадам Лохтиной: – Чего вздыхать-то, сыта, работать не надо. Мужика тебе нужно, что б ендорил от души. А какова она знатная барыня? Небось, сладка, да мылом душистым пахнет».

Гришка много девок и баб поимел, но вот со знатными барынями не доводилось, а попробовать хотелось.

– Скверны много в тебе, от того и болячки твои, – молвил Гришка, – а скверна от того, что не каешься ты.

– В чём грехи мои?! – воскликнула Ольга Лохтина. Она порывисто встала с дивана и заходила по гостиной: – Я каждую неделю исповедуюсь отцу Медведю, он отпускает грехи

мне.

Гришка схватил мадам Лохтину за руку, усадил подле себя на диван и зашептал:

– А ты согреси, а потом покайся Господу, без попа. Ты не слушай попов, они тебе всей правды не скажут! Грех он сладок, и тем хорош, что даёт возможность покаяться, а Бог он любит грешников. Потому как, не согрешив, не покаешься. В грехе вся святость!

Пока шептал Гришка эти слова, он успел повалить мадам Лохтину на диван и задрал её юбку.

– Ты медовенькая грехи не бойся, а потом кайся перед Богом, и не с помощью попа, а сама к Богу взывай. Вот тогда полюбит тебя Господь, и отпустят тебя болячки всякие, – мадам Лохтина зачарованно слушала глухой голос Гришки, а тот тем временем стащил с неё панталоны и нижнюю юбку.

Увидев свои голые ноги, мадам Лохтина слабо зашептала:

– Но хорошо ли это?!

– Всем хорошо от этого, – хриплой скороговоркой шептал Гришка. Он навалился на Лохтину и продолжал шептать: – Нам хорошо с тобой медовенькая будет, потому что согрешим, а потом вместе покаемся и очистимся от скверны. И Господу приятно будет, потому, как сильнее возлюбим мы его, когда покаемся.

Дальше мадам Лохтина помнила всё смутно, она улетела в блаженные, сладкие, греховные дали. Они до двух часов ночи грешили и каялись, а потом вновь грешили и каялись.

После ухода Гришки, мадам Лохтина провалилась в глубокий сон.

Впервые за многие года она спала не четыре-пять, а двенадцать часов подряд, и весь следующий день летала, словно на крыльях. Даже Владимир Николаевич, уже давно смотревший на жену как на пустое место, заметил:

– Вы милочка, словно на двадцать лет помолодели!

На следующий день статский советник Лохтин собирался на заседание правления Пейского золотопромышленного общества, а жена восторженно рассказывала ему о божьем человеке Григории, который излечил её своими молитвами.

– Он будет у нас сегодня на обеде, ты должен обязательно познакомиться с ним! – заявила Ольга мужу.

С этого дня Гришка поселился на квартире Лохтиных, и все были чрезвычайно довольны – Гришка поменял монастырскую келью, на квартиру, где был сытный обед и водки давали, мадам Лохтина, счастлива от того, что болячки её пропали, а переходы от греховного состояния к покаянию и обратно, были упоительны и сладостны. Владимир Николаевич так же был доволен, его жена, наконец, вышла из депрессии.

Поселив Гришку в своей квартире, Ольга Лохтина познакомила его с подругами, у которых были схожие проблемы со здоровьем. Теперь Распутин «лечил» и подруг Ольги Лохтиной. Так слава о божьем человеке Григории, стремительно распространялась среди светских дам Петербурга. Вско-

ре Ольга Лохтина привезла Гришку в модный салон графини Клейнмихель, которая арендовала особняк на Каменном острове.¹⁴

В особняке графини Марии Эдуардовны Клейнмихель собиралась «сливки» светского общества Петербурга. Сама графиня была любительница спиритических сеансов. Она увлекалась мистикой, и Гришка со своими байками о чудесах в святых местах очаровал светское общество так же, как и безграмотных монахов, в монастырях, где ему доводилось останавливаться.

Во время спиритических сеансов, все знаки из потустороннего мира, Гришка комментировал цитатами из Священного писания. Цитаты он приводил наобум, говорил то что помнил, от того часто не попадал по смыслу. Но присутствующим в салоне графини Клейнмихель, вся эта белиберда казалась наполненная высшим смыслом. Так Гришка Распутин получил славу медиума передающего волю духов.

Графиня Клейнмихель познакомила Гришку с генеральшей Софьей Сергеевной Игнатъевой, в её особняке на Французской набережной¹⁵ собирались дипломаты и члены царской фамилии. Там Распутин повстречался с великими княжнами Милицей и Станой. Те, приехав из Киева, рассказали своей подруге, императрице Александре Фёдоровне о божьем человеке Григории. Жена Николая II, как и её подру-

¹⁴ Современный адрес в Санкт-Петербурге: улица Чайковского дом 35.

¹⁵ В Санкт-Петербурге сейчас это набережная Кутузова.

ги Стана и Милица, была особой экзальтированной, верила в магов, потусторонние силы и божественный дар юродивых. Именно Милица познакомила царскую чету с французским мошенником, называвшим себя месьё Филиппом. Тот утверждал, что он маг и медиум, побывавший в загробном мире. Так же черногорские княжны познакомили царскую чету с юродивым Митей Козельским. Теперь вот рассказали Александре Фёдоровне о божьем человеке Григории. Милица со Станой решили познакомить Григория Распутина с царской четой, поэтому и спешил в этот день Гришка в особняк графини Клейнмихель, оттуда его должны были доставить в усадьбу Сергиевка, которая принадлежала великому князю Петру Николаевичу.

Весь 1905 год Николай II чувствовал себя весьма неудобно. В России полыхали восстания, бунты и мятежи. Армия выходила из-под контроля, многие сановники в окружении царя были напуганы революцией, своей паникой, они вгоняли в тоску и уныние царя. Он опасался за себя и семью. Николай II не доверял никому, даже войскам, охранявшим его дворец. Страх русского царя почувствовал даже кайзер Вильгельм II в Берлине. Он прислал письмо Николаю II, с предложением перебраться вместе с семьёй в Германию, а в Россию ввести германские войска для подавления мятежей.

Николай II по этому поводу советовался с графом Витте, который занимал пост председателя Совета министров. Сер-

гей Юльевич был против ввода германских войск на территорию Российской империи, но допускал отъезд императора с семьёй за границу. Николай II рассказал об этом князю Мещерскому, другу своего отца.

– Витте тут же введёт в России Конституцию. Он спит и видит себя премьер-министром в парламентской России, – покачал головой Владимир Петрович Мещерский, – это не тот путь для нашей страны. У нас огромная империя, которой невозможно управлять с помощью парламента.

Николай II был на распутье: уезжать или нет из страны? В таком состоянии, он с женой и поехал в Сергеевское. Именно там, 1 ноября¹⁶ 1905 года, Николай II познакомился с Гришкой Распутиным. Собственно всё это чаепитие в Сергеевке, Станой и Милицей задумывалось, что бы показать старца Григория царской чете.

– Из каких мест будешь, божий человек? – спросил Николай II.

– Из Тобольской губернии батюшка, – ответил Гришка, в пояс, поклонившись, царю, – исходил я Россию-матушку вдоль и поперёк. Много всякого народу перевидал.

– Что говорят в народе? – поинтересовался царь.

– Нуждишки разные у людей, – погладив бороду, ответил Гришка, – оно конечно Господь сотворил человек подоб-

¹⁶ Здесь и далее все даты событий происходящих в Российской империи по юлианскому календарю, (то есть старому стилю). По григорианскому календарю это было 15 ноября, (то есть по новому стилю).

но себе, да ведь всяк своим умишком живёт. У кого это хорошо получатся, тот всегда сыт, а кого Господь умом обделил, тот иной раз и голодает. От голода людишки ропщут. Оно ведь как, сытый голодного не уразумеет, голодный сытого, чуть что, норовит на вилы поднять. Все беды людские от недостатка ума.

– Жаль, что люди этого не понимают, – вздохнул царь, – они наслушаются всяких смутьянов, которые подбивают народ против власти бунтовать.

– Э батюшка, грешные люди смутьяны те, – махнул рукой Гришка, – гибель ждёт их. Ибо восстав против царя, против Бога бунтуешь. Сказано: «Противящийся власти, противится Божьему установлению. А противящиеся сами навлекут осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от неё, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из-за страха наказания, но и по совести».

– Только люди стали забывать заветы Божьи, – покачал головой Николай II.

– Ничего, вскорости вразумит их Господь, – ответил Гришка, – ибо как непослушание одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного человека, делаются многие праведниками. Вразумит Господь заблудших

и отринутся они от грешников – бунтовщиков, возмутителей спокойствия. А те, кто не вразумятся от истины Божьей, падут от меча слуг Господа.

Спокойная и неторопливая речь Гришки благотворно подействовала на царя. К себе во дворец он ехал в приподнятом настроении, чего с ним не было уже давно. Приехав во дворец, царь написал письмо Вильгельму II, в котором благодарил того за заботу о нём и его семье, но предложение ехать в Германию отклонил. Покончив с письмом кайзеру, Николай II написал в своём дневнике:

«1 ноября. Вторник. Холодный, ветреный день. От берега замёрзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. Был очень занят всё утро. Завтракали: кн. Орлов и Ресин (деж). Погулял. В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божьим – Григорием из Тобольской губернии. Вечером укладывался, много занимался и провёл вечер с Аликс».¹⁷

Закончив писать дневник, царь вспомнил, что не изучил ещё доклад министра внутренних дел Дурново.

25 октября 1905 года Николай II принял, наконец, отставку прежнего министра МВД Булыгина, окончательно убедившись в его полной неспособности обуздать ситуацию в стране. Новый министр Пётр Николаевич Дурново, неделю изучал ситуацию в стране, и подал царю доклад, в котором он писал, о том, что неспокойно по всей стране. Особое бес-

¹⁷ Так Николай II, звал в кругу семьи свою супругу Александру Фёдоровну.

покойство у Дурново вызывала ситуация в Москве.

Летом 1905 года в Москве рабочие на предприятиях стали организовывать комитеты. Перед хозяевами эти комитеты выдвигали чисто экономические требования – сокращение рабочего дня с 14 часов до 8 часов, повышение зарплаты и выплаты больничных, в случае травмы на производстве. Владельцы фабрик, заводов и мануфактур взывали о помощи к московскому обер-полицмейстеру Дубасову, просили его, навести порядок на их предприятиях, и разогнать комитеты рабочих. Однако тот мер не принимал. Причина в том, что солдаты московского гарнизона были ненадёжны, в казармах околачивались агитаторы от различных революционных партий. Офицеры, опасаясь за свою жизнь, не препятствовали им приходиться в казармы. Полагаться Дубасов мог только на полицию и казаков, но их в Москве было недостаточно, для того, что бы справиться с рабочими.

Царь и председатель правительства Сергей Юльевич Витте возлагали большие надежды на Манифест от 17 октября 1905 года, дающий некоторые послабления. Однако проблем рабочих этот манифест даже не затрагивал, а потому после его опубликования митинги и забастовки не прекращались. В воздухе пахло восстанием. Рабочие захватывали предприятия, причём производство там они не останавливали. Фактически, владельцами предприятий становились рабочие комитеты.

С октября в Москве, разрозненные комитеты стали объединяться, налаживать контакты с такими же комитетами в Петербурге и других городах Российской империи. Пока это было стихийное движение.

Революционные партии – эсеры¹⁸ и социал-демократы (большевики и меньшевики), практически никакой роли не играли. Эсеры вообще больший упор в своей пропаганде делали на крестьян. Большевики работали среди рабочих, но охранка¹⁹ и жандармы постоянно громили их организации, потому большевиков на свободе было мало – они либо сидели в тюрьмах, либо находились в ссылке или были в эмиграции. Меньшевики агитацию вели посредством газет, и среди рабочих они практически не появлялись.

В сентябре первые социал-демократы, а именно Троцкий и Парвус поехали в Россию. Они приехали в Петербург, и включились в работу Совета народных депутатов, который возглавлял социал-демократ Георгий Хрусталева-Носарь. После его ареста, Троцкий возглавил Совет.

В Москву никто из лидеров эсеров и социал-демократов не приехал. Несмотря на это, московская организация РСДРП²⁰, приняла решение активизировать подготовку к во-

¹⁸ Эсеры – ПРС (партия социалистов-революционеров).

¹⁹ Охранка – так в среде революционеров звалось охранное отделение полиции. Орган полиции, занимавшийся политическим сыском в Российской империи.

²⁰ РСДРП – российская социал-демократическая рабочая партия. Имела два крыла – большевики возглавляемые Ульяновым-Лениным и меньшевики, возглавляемые Плехановым и Мартовым.

оружённому восстанию.

Ещё летом в Москву приехал с Урала Эразм Кодомцев – товарищ Владимир, как он значился в партийной организации большевиков. На Урале братья Кодомцевы организовали боевые рабочие дружины. Сам Эразм бывший офицер, дезертировавший из армии. Он участвовал в русско-японской войне, так что боевой опыт имел. В Москву Эразм приехал с братом Иваном, в их задачу входило создание в Москве рабочих боевых дружин и их обучение. Так же в Москву приехал химик-бомбист имевший псевдоним Аптекарь. Ему раздобыли подложный паспорт на имя Егора Агафоновича Иванова, и по нему Аптекарь устроился на мебельную фабрику Шмидтов, которая находилась на Пресне. Там Аптекарь организовал химическую мастерскую по производству бомб.

Мебельной фабрикой Шмидтов владел Николай Шмидт. В ту пору ему было двадцать два года, и он учился на втором курсе Московского университета. Николай был членом РСДРП, большевик. В подвале здания его фабрики братья Кодомцевы организовали тир, где обучали стрельбе членов боевых рабочих дружин. Николай Шмидт свёл дружбу с сотрудниками обсерватории Московского университета, которая находилась по соседству с его фабрикой, и те изготовили карты Москвы для всех боевых дружин. По этим картам, студенты-архитекторы выбирали наиболее удобные места для строительства баррикад, во время будущего восстания. На закупку оружия Николай Шмидт выделил двести тысяч руб-

лей, по тем временам, это было целое состояние.

В Дангуэровской слободе, которая находится возле Лефортова, боевую дружину организовал и возглавил Владимир Холмогоров. Летом Эразм Кодомцев обучил Холмогорова, стрелять и тактике боя в городских условиях. Теперь Владимир учил военному искусству боевиков своей дружины. За городом в укромных местах, боевики Холмогорова учились стрелять из ружей и пистолетов, кидать бомбы. Пока вместо бомб швыряли двухфунтовые²¹ гири. Сестра Владимира – Валентина, и несколько других девушек из Дангуэровской слободки, под руководством фельдшера Славина, учились оказывать первую медицинскую помощь при огнестрельных ранениях. Пока в арсенале дружины Холмогорова было два револьвера и три охотничьих ружья. Иван Смирнов, член Московского комитета РСДРП (большевиков), обещал помочь с оружием и бомбами.

Кроме обучения военному делу, дружинники Холмогорова поддерживали порядок в Дангуэровской слободе и во всём Лефортове, потому как полиция здесь появляться боялась. Изредка лишь показывались казачьи разъезды. В субботу, пятого ноября, Владимир сказал Валентине:

– Иван велел нам ехать на Пресню. Там на мебельной фабрике Шмидта, для нашей дружины приготовлено оружие, патроны и медикаменты.

– Вдвоём поедем? – осведомилась Валька.

²¹ Фунт – мера веса, равная 400 грамм.

– Возьмём с собой Тимоху Воробьёва. Он у нас вместо извозчика будет. Обещал у дядьки сани и лошадь взять.

На деньги Николая Шмидта, московской организации большевиков, удалось приобрести большую партию револьверов «Лефоше», «Наган», а так же охотничьих ружей «Винчестер» и «Зауэр». Боеприпасы, бинты и вату, йод. Основной склад большевиков размещался на мебельной фабрике Шмидта, но держать там долго оружие было опасно, могли пронюхать жандармы или полиция. Для транспортировки оружия, Холмогорову на мебельной фабрике вручили гроб, в нём, на санях и повезли оружие и патроны, из Пресни в Дангуэровской слободу. На Вороньей улице²² их остановил казачий разъезд. Старший патруля, чернобородый урядник²³, перегородив своим конём дорогу саням, сказал:

– Стой! Куда путь держите?

Владимир, шедший рядом с санями, сунул руку за борт пальто, там во внутреннем кармане у него был револьвер.

– Господин казак, тётушка у нас умерла, – сказала Валентина, встав с саней, – вот домой с Яузской больницы везём.

– Открывай крышку гроба, посмотрим на твою тётушку! – приказал урядник.

Один из казаков подъехал к уряднику.

²² Воронья улица – ныне в Москве эта улица носит название Сергия Радонежского.

²³ Урядник – унтер-офицерский чин. Аналог современному званию сержант в армии РФ.

– Петро, у людей горе, а ты к ним с обыском лезешь, – сказал он. Посмотрев на Вальку, казак продолжил: – Здравствуй Валентина.

– Андрей, а со мной ненужно здороваться?! – весело воскликнул Владимир. Он тут же вынул руку, оставив револьвер на месте.

Казак слез с лошади и сказал:

– Извини Владимир, – он протянул руку и поздоровался с Холмогоровым. Казака этого звали Андрей Балакирев. Ещё летом, вот так же патрулируя город, он познакомился с Валентиной и Владимиром Холмогоровыми.

– Петро, это мои хорошие знакомые, – обратился Андрей к уряднику, – они не бомбисты и не социалисты.

– Босорылый, ну ты даёшь! – рассмеялся другой казак, Ванька Усов. Уральским казакам, единственным среди всех казаков, на службе разрешено носить бороды. Во всём 10-м Уральском казачьем полку, где Андрей Балакирев проходил службу, без бороды был он один, потому и заработал кличку – Босорылый.

Ванька Усов подъехал к уряднику, указал нагайкой²⁴ на Валентину и продолжил:

– Как девка-красавица, так знакомая Босорылого, – в это время Балакирев сажился на своего коня. Ванька Усов сказал

²⁴ Нагайка – короткая, толстая ременная плеть, сплетённая из нескольких ремешков. Нагайка у казаков для управления лошадыю. Но так же служит она в качестве оружия. Казаки использовали нагайки при разгоне демонстраций.

уряднику: – Тебе, небось, Петюня и самому эта девка глянулась, вот ты и строишь из себя начальника.

– Уряд держит перед девкой, атаманом казаться хочет, – засмеялся рыжий казак Митрофан Егоров.

Среди казаков раздался смех, а урядник, сплюнув, ответил:

– Эх, дура! Я службу исполняю.

– Ну, будем считать, что мы свою службу выполнили. Давай отпустим людей, у них и так горе, – предложил Андрей Балакирев.

– Пушай едут, – махнул нагайкой урядник. Он отъехал, дав саням дорогу.

Когда казаков уже не было видно, Тимоха Воробьёв правивший санями, засмеялся:

– А я Володя как увидел, что ты в карман за «Наганом» полез, так мне небо с овчинку показалось, от страха.

– Это ты Вальку за наше спасение благодари, – Владимир сдвинул картуз на затылок, и вытер пот со лба. Рассмеявшись, он добавил: – Да я и сам, если честно сказать, струхнул малость.

Казачий патруль следовал по Камер – Коллежскому валу. Ванька Усов и Андрей Балакирев ехали вместе. Они были из одной станицы, из Чагановской.

– Прохор, брательник твой, всё в Маньчжурии? – спросил

Ванька.

Проخور – брат близнец Андрея, он призвался на службу в 1902 году.

– Да, писал оттуда, – ответил Андрей.

Андрей Балакирев учился в Петербургском практическом технологическом институте, и поэтому имел отсрочку от службы. Вдобавок по закону, если в мирное время, один из сыновей в казачьей семье уже находится на службе в армии, другой имеет право на отсрочку. Но началась русско-японская война, в ноябре 1904 года Андрей Балакирев был призван на службу в полк. К тому времени он окончил институт, и у него закончилась отсрочка от службы. Казаков призывали в январе каждого года, однако из-за начавшейся войны призыв на службу сместили с января на ноябрь.

Проخور Балакирев служил в 5-м Уральском казачьем полку. В сражении под Муденом он был ранен. Там в бою у деревни Шоуялинза сгинула почти вся их сотня. Остались только двое Проخور да Фрол Миклашев. За тот бой Проخور был награждён Георгиевским крестом 4 степени. Когда после ранения он вернулся в полк, ему был присвоен чин младшего урядника. Срок его службы в полку должен был закончиться в январе 1905 года, но сначала война с Японией, потом беспорядки в России, из-за всего этого казаков со службы в 1905 году не отпустили.

После окончания войны с Японией, полк оставался в Маньчжурии. В сентябре поступила команда сформировать

несколько казачьих команд и отправить их по разным городам России. Команда, в которой оказался Прохор Балакирев, была направлена в Самару. Приехали туда десятого октября. Заместитель начальника Самарского ГЖУ²⁵ жандармский подполковник Пастрюмин, распорядился десять казаков из команды выделить для охраны городской типографии, остальных казаков отправили патрулировать город.

Осенью 1905 года в Самаре, впрочем, как и в большинстве городов России, было неспокойно. Рабочие объявляли забастовки, собирались на митинги и демонстрации. По этой причине, казаки почти всё время проводили на улицах Самары – разгоняли митинги и демонстрации, либо патрулировали город. В такой беспокойной службе пролетел месяц.

Десятого ноября, после обеда, как всегда выехали в город на патрулирование улиц. Прохор был старшим патруля. Рядом с ним ехал Федька Чекулаев из станицы Редутовская – двадцатилетний, рыжий, вихрастый парень. Был Федька смешливым и ужасно невезучим. Его призвали в полк в январе пятого года. По дороге в Маньчжурию, где стоял 5-й Уральский казачий полк, на одной из станций, Федька спрыгнул с вагона, да так неудачно, что сломал ногу. После излечения в госпитале, был направлен в казачью команду в Томск. Казаки патрулировали по городу, гимназисты из озорства, бросили под ноги Федькиному коню какой-то пакет. Раздался сильный хлопок, конь взметнулся на дыбы, и

²⁵ ГЖУ – губернское жандармское управление.

Федька, глазевший на проходивших мимо барышень, в седле не удержался, и грохнулся на землю. В этот раз он сломал руку и опять угодил в госпиталь. В начале сентября, он после излечения в госпитале, прибыл в сотню, где служил Прохор Балакирев. Командир их сотни подесаул²⁶ Ильин был с Федькой из одной станицы, и велел Прохору присматривать за непутёвым казаком Чекулаевым.

Когда казаки проезжали мимо Храма Христа Спасителя, Прохор подумал: «А ведь я единственный из нашей сотни, кто выжил в этой войне». Тогда в бою у деревеньки Шоуялинза, которая находится под Мукденом, Прохор уцелел только потому, что вынес его на себе Фрол Миклашев. Сам Фрол погиб перед самым окончанием войны, в одной из стычек с японцами.

«Спасибо тебе Господи, что уберёг меня на той войне, не сделал мою Дуняшу вдовой», – Прохор повернулся в сторону храма, снял папаху и перекрестился.

– Что ты Прохор Фролович глядишь на публичный дом, и крестным знаменем себя осеняешь?! – засмеялся Федька Чекулаев. Он указал нагайкой на деревянный двухэтажный дом с ярко-жёлтыми занавесками, и спросил: – Или там святые девы проживают?

Казаки захохотали. Прохор востропнулся и оглянулся во-

²⁶ Подьесаул – казачий обер-офицерский чин, равный штабс-капитану в пехоте, штабс-ротмистру в кавалерии или у жандармов. Аналог современного звания капитан в ВС РФ.

круг. Пока он размышлял о жизни, не заметил, как они проехали на Сокольничью улицу²⁷, на которой сплошной чередой шли дома терпимости.

– Так, о своём подумал, – хмуро ответил Прохор.

– Небось, Господа бога просил, что б дал тебе с ядрёной девкой помиловаться, – всё не унимался Федька.

– Рот закрой, не на гулянке, – зло оборвал его Прохор, дальше ехали молча.

На Дворянской улице²⁸, возле «Сарептского магазина», казаки остановились, и через витринное окно стали разглядывать причудливые пепельницы, украшенные сибирскими самоцветами. Возле входа в магазин стояли два господина в чиновничьих шинелях. Один был маленький и толстый, на круглом, лунообразном лице, тоненькие усики. Другой, худой, длинный как палка, с бородкой эспаньолкой. Длинный, держал в руке газету «Самарские ведомости».

– Что пишут в газете Тихон Лукич? – спросил толстяк.

– Сообщают, что беспорядки в стране организуют социал-демократы, – ответил Тихон Лукич, – главный в их партии некий Ульянов. Вот ведь каков анекдотец!

– А что вы так удивляетесь, Тихон Лукич? – удивился толстяк.

– Ну как же Порфирий Николаевич, ведь это тот самый Ульянов, который десять лет назад был у нас в суде помощ-

²⁷ Сокольничья улица – современная Ленинская улица в городе Самара.

²⁸ Дворянская улица – современная улица Куйбышева в городе Самара.

ником присяжного поверенного! – воскликнул Тихон Лукич. Он покрутил газетой перед носом толстяка и продолжил: – Ведь это я собственной персоной выписывал ему бумагу на права ведения чужих дел.

– Вы бы Тихон Лукич поостереглись так громко объявлять об этом факте, – толстяк покосился на казаков, глазающих на витрину.

Казаки поехали дальше. Когда они добрались до Хлебной площади, к ним подбежала тётка в фартуке.

– Господа казаки, там, у трактира «Ревель», «горчичники» четверых мужиков хотят обнести! – закричала она.

«Горчичниками» в Самаре звали шпану. Говорили, что своё название «горчичники», те получили за то, что таскают в кармане горчицу. Её они сыплют в глаза своим противникам во время драки или жертвам при ограблении.

Казаки поскакали к трактиру «Ревель». На углу восемь «горчичников» окружили четырёх мужиков. «Горчичников» легко отличить от мужиков или мастеровых. Они ходят в коротких пальто, в красных сатиновых рубашках, перепоясанные поясом с кисточками. Картуз сдвинут на затылок. В лакированных сапогах, за голенищем которых нож или гирька на проволоке.

Услышав цокот копыт казачьих коней по мостовой, «горчичники» вмиг разбежались по подворотням.

– Спасибо вам господа казаки, – крестясь, поблагодарил невысокий мужик, лет пятидесяти, – уж думал, лишат нас

жизни, хриstopродавцы.

Мужик снял картуз, и, поклонившись, продолжил:

– Плотники мы, меня Иваном кличут, а это сыны мои. Подрядились мы в деревне Старый Буян амбар срубить. Перед дорогой хотели в трактир зайти, потрапезничать, а тут эти тати налетели.

– Ну, ну, – усмехнулся Прохор, – налетят ещё раз, кричи: «Караул»! Тут полицейская часть неподалёку, может городские, и услышат, прибегут на помощь, а нам дальше служить нужно.

Казаки уехали, а один из сыновей Ивана, спросил:

– Ну что батя, эти разбойники разбежались. Пошли в трактир, жрать охота.

– Что ты Васька! – вскричал отец. Он оглянулся: – Эти тати сейчас вернуться. Айда на рынок, там чаю с сушками попьём, да поищем мужиков, которые до Старого буяна едут, с ними и доберёмся.

Мужика этого звали Иван Степанович Чапаев. Жил он со своими сыновьями в селе Балаково Николаевского уезда Самарской губернии. Сам Иван был родом из деревни Будайка Чебоксарской волости Казанской губернии. Там же родились его сыновья – Михаил, Андрей и Василий. По правде говоря, Чапаев не фамилия, а прозвище. Предки Ивана – крепостные крестьяне. Были в его роду чувашаи и эрзя²⁹. Степан – отец Ивана, сплавливал лес по Волге. По-русски говорил пло-

²⁹ Эрзя – одна из этнических групп мордвы.

хо. Когда, они с мужиками грузили лес, то Степан часто орал:
– Чапай, чапай! – это должно было означать: «Цепляй, цепляй!»

Так и прилипло к Степану прозвище – Чапай, а его сын Иван получил уже фамилию вместо прозвища – Чапаев. На бумаге эта фамилия появилась в 1884 году, когда у Ивана родился второй сын Андрей, в метрике ему написали фамилию «Чапаев». В 1887 году у Ивана родился третий сын – Василий, ему так же дали фамилию Чапаев. В 1897 году семья Ивана переехала в село Балаково. Иван был отличным плотником. Своему ремеслу он обучил и сыновей. Когда те подросли, появилась артель плотников, стали они колесить по деревням, выполняя плотницкие работы.

Деревня Старый Буян находится в месте слияния рек Буян и Кондура, в сорока километрах от Самары. События «Кровавого воскресенья» всколыхнули Россию, но мужику в деревне до этого дела не было. У мужика одно на уме – сев, сенокос, уборка урожая, молотьба.

Самарская губерния всегда считалась спокойной. Сюда в ссылку отправляли социал-демократов и эсеров. Со временем здесь сформировались сильные партийные организации эсеров и большевиков. Большевики пропагандировали своё учение среди рабочих в городах, эсеры вели пропаганду среди крестьян в деревнях. Руководители самарской организации эсеров снабжали крестьянские ячейки своей партийной литературой, при этом, не забывая и об оружии. В 1904 году

в Самару был сослан эсер, учитель Сергей Акрамовский, а в селе Царевщина³⁰ жили ссыльные эсеры Сумгин Михаил и Девятов Иван, они вели пропаганду среди крестьян. Акрамовский объединил отдельные крестьянские ячейки эсеров в организацию «Крестьянское братство».

В октябре 1905 года Самарские большевики так же решили начать пропаганду среди крестьян. В село Царевщина приехал большевистский пропагандист Александр Коростылёв. Он стал знакомить мужиков с трудами Карла Маркса, однако толково им ничего объяснить не смог, плюнул на это дело, и уехал в Самару. Вскоре всколыхнулись деревни Самарской губернии. Правда, большевистский пропагандист тут был совершенно не причём. Случилось вот что: помещик Соколов в селе Дмитровка, сдавал крестьянам в аренду луга для сенокоса. Летом, перед покосом, он с мужиками договорился, что будет брать с них по два рубля за воз сена. В октябре, когда настало время расчёта, Соколов, проигравшись за неделю до этого в карты, взвинтил цену до 2 рублей 40 копеек за воз сена. Сорок копеек для мужика большие деньги, и вся Дмитровка взбунтовалась. К ним присоединились деревни Китовка и Сборная, так же косившие сено на лугах Соколова.

Помещик цену снижать отказался и послал в Самару за полицией. Мужики взялись за топоры и вилы. Соколов успел улизнуть, а мужики принялись потрошить его амбары – вы-

³⁰ Царевщина – ныне город Волжский Самарской области.

несли весь хлеб и подожгли усадьбу. Из Самары приехала команда уральских казаков, мужики закидали их камнями, казаки для острастки пальнули из ружей. Мужики поняли, с камнями, вилами да топорами, против ружей не попрёшь. Они присмирели, а казаки арестовали зачинщиков, остальных мужиков выпороли нагайками.

Только улеглись страсти в Дмитровке, как всколыхнулись деревни в Самарском и Бузулукском уездах. Здесь земли принадлежали купцу Аржанову. Крестьяне платили ему за аренду земли, по двенадцать рублей за каждую десятину. В октябре купец поднял плату до двадцати рублей. Крестьяне отказались платить такие деньги и стали самовольно распахать земли. Опять приехали уральские казаки, выпороли мужиков в селе Верхняя Орлянка, а Аржанова, исправник заставил снизить арендную плату за землю, до прежних пределов.

Именно октябрьские бунты в Самарской области, подтолкнули Акрамовского к действию. Начать активисты «Крестьянского братства» решили с села Старый Буян. Село это было центром волости³¹. 12 ноября здесь должен был состояться волостной сход, для избрания волостного старосты. Колокол Старобуянской церкви возвестил жителей окрестных деревень о необходимости прислать депутатов в Старый

³¹ Волость – нижнее административно-территориального деления на Руси, перешедшее по наследству в Российскую империю. В волость, как правило, входило от 4 до 7 деревень.

Буян. Из Царевщины вышли не депутаты, а боевая крестьянская дружина эсеров, вооружённая ружьями и револьверами.

На сходе выступил крестьянин села Старый Буян Антип Князев, член «Крестьянского братства». Его поддержал член самарской организации эсеров Евгений Пеннер – сын помещика Давида Пеннера. Ему принадлежали все окрестные земли. Евгений прямо на сходе объявил, что он отдаёт свою землю в общественный фонд. Тут Евгений немного погорячился, земля принадлежала его отцу. Но мужики речь Евгения Пеннера восприняли с энтузиазмом, а он тут же провозгласил:

– Долой Самодержавие! Да здравствуют демократические свободы!

– Предлагаю Старобуянское народное самоуправление! – закричал Антип Князев.

Мужики поддержали его, хотя никто толком не понял что это такое, но Антип местный мужик, плохого не предложит. Тут же на сходе члены «Крестьянского братства» предложили ввести: «Временный закон Старо-Буянского волостного народного самоуправления». Мужики и это одобрили. По этому закону на территории волости провозглашалась Республика. Это для Российской империи было что-то новенькое, что бы мужик провозглашал республику, наплевав на батюшку – царя! Пусть мужики и не сами додумались до этого, не это главное. Важно, что всколыхнулась деревня, не было у мужика больше веры в царя. Теперь мужик, бунтуя, не

только жёг усадьбу помещика и разворовывал его зерно. Мужик стал выдвигать политические требования. Это уже революция!

В самой Самаре, после царского манифеста от 17 октября 1905 года, либералы стали устраивать собрания в Пушкинском народном доме³². Это здание было построено на пожертвование богатых горожан Самары в 1903 году. Здесь проходили народные спектакли и литературные чтения. Теперь тут устраивали собрания либералы Самары, однако не долго, в Пушкинском народном доме решил обосноваться Совет народных депутатов Самары. Возглавлял его большевик Никифор Вилонов. В совете обсуждались вопросы об организации в Самаре вооружённого восстания. Либералы попытались заявить Совету, что они против насилия, но они тотчас же были выгнаны с заседания Совета, при этом некоторым изрядно намяли кулаками физиономию.

Когда Совет народных депутатов захватил Пушкинский народный дом, начальник Самарского ГЖУ полковник Каратаев, сказался больным. Он уехал из Самары, а его обязанности стал исполнять заместитель, подполковник Иван Иосифович Пастрюмин. Именно он докладывал ежедневно об обстановке губернатору Дмитрию Ивановичу Засядко. На очередном докладе подполковник Пастрюмин сказал:

– Ваше высокопревосходительство, в город к имеющей-

³² Пушкинский народный дом – в современной Самаре, это ДК железнодорожников имени А.С. Пушкина, на улице Льва Толстого дом № 94.

ся у нас казачьей команде прибыли две сотни 5-го Уральско-го казачьего полка. Таким образом, в губернии достаточно сил, что бы подавить антигосударственные выступления и арестовать основных зачинщиков.

– Иван Иосифович, Государь своим Манифестом стремится привести к примирению все сословия Державы нашей, – поморщился Засядко, – а вы своими грубыми, необдуман-ными действиями, уничтожите все зародившиеся ростки согласия в обществе.

– О каком согласии вы говорите Ваше высокопревосходительство?! – воскликнул жандармский подполковник. Пастрюмин порылся в папке, нашёл нужный лист бумаги и продолжил: – Мне доносит мой агент, что засевший в Пушкинском народном доме, так называемый Совет народных депутатов, обсуждает план вооружённого выступления в Самаре. В селе Старый Буян мужики вовсе объявили в своей волости республику. Они где-то раздобыли ружья и револьверы. Если полыхнут мужицкие бунты в губернии, да ещё эсеры с большевиками поднимут в Самаре восстание, тогда у нас никаких сил не хватит, что бы усмирить всё!

– Вы напрасно драматизируете ситуацию Иван Иосифович, – улыбнулся Засядко, – времена Емельяна Пугачёва давно миновали. Сейчас у нас на пороге просвещённый двадцатый век, ни о каких мужицких бунтах речи быть не может. Так возникают отдельные волнения в деревнях, которые легко подавляются.

Подполковник Пастрюмин поморщился как от зубной боли, щёлкнул каблуками и спросил:

– Разрешите откланяться Ваше высокопревосходительство?

Губернатор кивнул, жандармский полковник ещё раз щёлкнул каблуками, кивком головы обозначил поклон, и вышел из кабинета.

Самарское ГЖУ находилось в двухэтажном деревянном здании на перекрёстке Саратовской и Алексеевской улиц³³. Едва подполковник вернулся от губернатора и уселся в кресло в своём кабинете, вошёл дежурный жандармский офицер и доложил, что пожаловал вице-губернатор Владимир Григорьевич Кондоди. Подполковник встал и вышел из-за своего стола, а в кабинет вошёл вице-губернатор.

– Наслышан от губернских секретарей о вашей баталии с губернатором Иван Иосифович, – улыбаясь, сказал Кондоди. Он поздоровался с подполковником за руку.

Пастрюмин и Кондоди были знакомы с молодости, когда один был юнкером Михайловского артиллерийского училища, а другой студентом Московского университета. С тех пор минуло двадцать лет, Кондоди выслужил чин действительного статского советника, а Пастрюмин стал жандармским подполковником.

– Владимир Григорьевич, вовсе не к месту тут ваше игри-

³³ Перекрёсток Саратовской и Алексеевской улиц – в современной Самаре это перекрёсток улицы Фрунзе и Красноармейской улицы.

вое настроение, – вздохнул Пастрюмин.

– Ну, коли хотите серьёзно, извольте, – кивнул вице-губернатор. Он указал рукой на кожаный диван и предложил: – Присядем? В ногах говорят правды нет.

Когда уселись на диван, Кондоди продолжил:

– Положение в губернии, да и в самой Самаре серьёзное. Вот – вот полыхнёт восстание, а губернатор всё поёт лазаря про успокоение народа. Тут ещё начальник нашего ГЖУ сбежал из Самары. Какой из всего этого следует вывод?

– Какой?

– Эти двое, я имею в виду Засядко и Каратаева, не достойны, занимать свои посты, – ответил Кондоди. Он указал рукой на Пастрюмина и себя, продолжил: – Есть более достойные люди. Нужно сообщить об этом телеграммой министру внутренних дел Дурново. Пётр Николаевич слывёт умным и решительным человеком. Уверен, он всё поймёт правильно.

– Ты что же, предлагаешь написать в телеграмме всё то, что только что сказал? – усмехнулся Пастрюмин. Он и сам не заметил, как перешёл на «ты» во время служебного разговора. В то время это было нарушением этики, и могло означать одно, разговор стал интимным, как между двумя заговорщиками. В сущности, так оно и было.

– Ну, зачем же так грубо?! – рассмеялся Кондоди. Он наклонил голову к подполковнику и тихо стал говорить: – Мы сообщим в Петербург, о том, что положение в губернии серьёзное, но губернатор Засядко запрещает проводить реше-

тельные меры, а полковник Каратаев, сказавшись больным, вовсе покинул Самару. Опишем положение в Старом Буяне и попросим разрешение подавить там бунт.

– Владимир Григорьевич, не порядочно доносить на своих начальников, – с сомнением сказал Пастрюмин.

– Мы с тобой печёмся о делах в губернии, – похлопал Кондоди по руке жандармского подполковника, – а это наивысшая порядочность.

Кондоди встал и, улыбнувшись, продолжил:

– Сделаем всё отменно, тогда станем, я губернатором, а ты начальником ГЖУ, – он указал рукой на стол, – ну-ка Иван Иосифович садись за стол, давай сочинять телеграмму.

Подполковник Пастрюмин сел за свой рабочий стол, а Кондоди перевернул настольный календарь, и продолжил:

– Сегодня у нас двадцать пятое ноября. Завтра возьмём казачью сотню и поедем в Старый Буян. Все необходимые распоряжения сделаешь после моего ухода. А пока пиши...

Как и договорились Кондоди с Пастрюминым, из Самары выехали в полночь 26 ноября, прихватив с собой сотню уральских казаков. Около семи часов утра добрались до Старого Буяна. Казаки налетели на село как ураган, выгоняя из изб на улицу мужиков и баб. Тут же были арестованы Антип Князев и два его помощника. Евгений Пеннер с вооружёнными дружинниками подошли к селу из Царевщины, но увидев, что казаков много, дружинники ушли обратно и по-

прятали своё оружие.

Кзаки согнали мужиков к старобуяновской церкви, пригнали туда и Ивана Чапаева с сыновьями.

– Иван и ты в бунтовщики подался?! – рассмеялся Кондоди, увидев Чапаева.

– Когда мне бунтовать барин? – поклонился в пояс Иван Чапаев. Он указал рукой на стоящих сыновей: – Подрядился с сыновьями, амбар срубить Давиду Николаевичу, помещику здешнему.

Кондоди обратился к Пастрюмину:

– Рекомендую, Иван Иосифович, – он указал рукой на плотника, – Иван Чапаев, отличный плотник. Мне на даче такую беседку срубил. Загляденье!

– Раз плотник тут не причём, пусть занимается своим делом, – кивнул подполковник. Он обратился к Прохору Балакиреву, стоящему рядом: – Урядник, выведите отсюда плотника и его сыновей.

– Пойдём лапоть, – Прохор толкнул в спину Ивана Чапаева, – пока тебя заодно с бунтовщиками не выпороли.

Пока Прохор отводил в сторону Ивана Чапаева с сыновьями, жандармский подполковник Пастрюмин стал требовать у мужиков, что бы они сдали оружие. Те кивали бородами и отвечали, что оружия у них с роду не бывало. Подполковник не поверил, и для начала приказал казакам выпороть с десятков мужиков. Кзаки выхватили из толпы десять человек, и принялись охаживать их нагайками под бабий вой и ропот

мужиков.

Между прочим, мужики не ввали, оружия в селе не было. Точнее был револьвер «Наган» у активиста «Крестьянского братства» Антипа Князева. Его сын, тринадцатилетний Колька, решил отомстить жандарму за отца и выпоротых мужиков. Он с револьвером спрятался на чердаке сарая и стал целиться в подполковника Пастрюмина.

Грохнул выстрел. Однако Колька Князев промахнулся и в жандармского подполковника не попал. Его пуля угодила в грудь стоящему в стороне Прохору Балакиреву. Его тут же отправили в Самару в лазарет, но надежды, что доведут живого, было мало. Казаки бросились искать стрелка, но не поймали. Так закончила своё существование первая в России мужицкая республика.

Первого декабря с поста Самарского губернатора был снят Дмитрий Иванович Засядко, однако планам Кондоди не суждено было сбыться, ибо губернатором был назначен Иван Львович Блок. Про историю с телеграммой министру МВД Дурново, новый губернатор был в курсе, и девятого декабря вице-губернатор Кондоди был снят со своего поста. Лишился своего поста и жандармский полковник Каратаев, однако подполковник Пастрюмин начальником Самарского ГЖУ не стал. Губернатор Блок был крайне недоволен, что Пастрюмин не провёл в Старом Буяне следствие до конца, и не установил, что оружие находилось в соседнем селе Царевщина. Когда это, наконец, было выяснено, оружие там обнаружить

не удалось.

Новый губернатор Самары Иван Блок, разгонит Совет народных депутатов. Он утопит в крови начавшееся летом 1906 выступления крестьян Самарской губернии, разгромит организации большевиков и эсеров, последние вынесут губернатору Блоку смертный приговор.

21 июля 1906 года эсер Григорий Фролов швырнёт в его коляску бомбу. Взрыв будет очень сильным, Блока разорвёт на части. Голову губернатора разнесёт так, что его мозг обнаружат на крышах соседних домов. В гробу вместо головы Ивану Блоку приделают ватный шар.

Фролова и других эсеров, причастных к убийству губернатора Блока, полиция арестует. На суде их будет защищать адвокат Александр Керенский. Григория Фролова приговорят к смертной казни, но потом её заменят двадцатилетней каторгой, остальных сошлют в Сибирь.

Губернатор Иван Львович Блок своими жёсткими действиями не полюбился жителям Самары, свою ненависть они перенесли на его семью. Старший сын губернатора, пятнадцатилетний гимназист Иван Блок очень страдал от нападок своих одноклассников. На следующий день после похорон губернатора, Иван Блок застрелится из револьвера отца прямо в гимназии. Второй сын губернатора – восьмилетний Лев, от всех этих потрясений станет сильно заикаться. Лев Блок с тех пор будет сторониться людей, он бросит учёбу в гимназии. Лев особенно полюбил лошадей, и станет извозчиком.

Глава 2

«Революция и правительство – как два человека, нацелившихся один в другого из пистолета. Вопрос в том, кто первый нажмёт на собачку».

Зензинов В.М. один из лидеров партии социалистов – революционеров (эсеров).

Декабрь 1905 года.

Проблемы России копились веками. Вначале крепостное право, при котором мужик был на положении раба – его можно было запороть насмерть, продать или проиграть в карты. К середине XIX века императору Александру II и его правительству стало понятно, что крепостное право нужно отменять. Однако сделав мужика свободным, земли ему не дали, выделив две десятины на семью, за которую к тому же он полвека ещё должен был расплачиваться с помещиком, а ещё нужно платить подушный налог государству.

В России семьи у мужиков большие, восемь-десять человек детей, а с двух десятин урожая много не соберёшь, тут ещё налоги, платы за выкупные ссуды, потому деревни в России голодали. Детская смертность была огромной. Когда жить становилось особенно невмоготу, мужик в отчаянии брался за вилы, жёг барские усадьбы. Казаки и войска такие бунты расстреливали, а усмирив мужиков, их пороли.

Устав от такой жизни, многие подавались в город, устраивались работать на фабрику или мануфактуру. Однако и там жизнь не легче. Рабочий день по 14 – 16 часов, выходные в

редкие церковные праздники, а за работу платят столько, что прожить можно лишь впроголодь. В городах рабочие становились более сплоченными, нежели мужики в деревнях, где каждый сам за себя. Оторви мужика от земли – станет он пролетарием, которому «нечего терять, кроме своих цепей». В городе много революционных партий, которые ведут пропаганду среди рабочих. В результате, рабочие объявляли забастовки, выходили на демонстрации.

Десятилетиями зрело в России возмущение. Недовольны были все – рабочие и крестьяне своим голодным существованием, интеллигенция хотела больше прав, отмены цензуры и свободы собраний. В России интеллигенция не голодала, но на сытый желудок, в угнетённой стране, особенно хорошо говорятся вольнолюбивые речи. Реформы назрели, это понимал царь и его правительство, но на беду свою, они не знали какие реформы проводить. Надеялись, что Манифест от 17 октября 1905 года успокоит страну, но не тут-то было, Россия по-прежнему бурлила.

В деревнях полыхали помещичьи усадьбы, в городах организовывались Советы народных депутатов, которые готовили восстания. В таких Советах в основном власть захватывали большевики, а они выполняли резолюцию своего III съезда РСДРП «О вооружённом восстании в России».

В Петербурге Совет народных депутатов возглавлял адвокат Георгий Степанович Хрусталеv – Носарь. По городу ходила шутка: «В России два правительства – Витте и Носаря.

Причём неизвестно, кто кого арестует». В конце октября в Петербург из Швейцарии приехал большевик Лев Троцкий. После чего он фактически возглавил Совет народных депутатов. Носарь эту должность занимал чисто номинально, а вскоре он был арестован.

Вице – директор Департамента полиции Пётр Иванович Рачковский убеждал министра внутренних дел Дурново и губернатора Петербурга Трепова не предпринимать против Совета народных депутатов никаких действий. Он говорил, что от тайных агентов к нему стекается вся информация о том, что говорится на этом Совете.

– Уверяю вас господа, не время сейчас для жёстких мер, – убеждал Рачковский, – главное терпеливо ждать. Всё успокоится само собой. Поверьте моему опыту.

Дурново и Трепов решили целиком полагаться на Рачковского. А что им ещё было делать?! Военские гарнизоны в Петербурге были ненадёжны, там верховодили большевики.

Начальник Петербургского охранного отделения полиции, жандармский полковник Герасимов, наоборот убеждал Трепова и Дурново арестовать Совет народных депутатов. На что Рачковский заявлял, что полковник Герасимов хорошей агентуры не имеет, и ситуацией не владеет. Да и вообще Петербургское охранное отделение работает из рук вон плохо.

– Да вы и сами об этом господа знаете! – говорил он Трепову и Дурново. После чего, привёл главный аргумент: –

Не случайно, всех перспективных агентов, ещё при Плеве, из Петербургского охранного отделения передали в Департамент полиции.

Доля правды в этом была, при покойном министре МВД Плеве, из Петербургского охранного отделения забрали в Департамент полиции лучших чиновников и офицеров. Плеве считал, что незачем двум структурам в городе заниматься одним и тем же. Потому сотрудники Петербургского охранного отделения полиции, что штатские, что жандармские офицеры, работали из рук вон плохо. В начале 1905 года Трепов стал товарищем министра МВД, и настоял перед Булыгиным, тогдашним министром внутренних дел, что бы на должность начальника Петербургского охранного отделения полиции, назначили полковника Герасимова, бывшего начальником Харьковского охранного отделения.

Александр Васильевич Герасимов приступил к своим обязанностям 2 февраля 1905 года. В Петербурге было неспокойно, и Герасимов предпочёл оставить семью в Харькове. В первый же свой день на новой должности, Герасимов пришёл в шок от всеобщей расхлябанности в отделении. Офицер, ведающий работой тайных агентов, встречался с ними не на конспиративных квартирах, а прямо у себя в кабинете, в помещении охранного отделения. Уволив нескольких нерадивых сотрудников, Герасимов всю работу с агентурой сконцентрировал в своих руках. Агентуры было мало, и от неё не было проку. Герасимов перевёл к себе из Харь-

кова несколько своих проверенных агентов, и стал их внедрять в различные революционные организации Петербурга. Встречи с агентами он проводил на конспиративных квартирах, которых имел несколько, на одной из таких квартир он жил. Герасимов добился увеличения денежного содержания перспективным агентам. Труды эти не пропали даром, постепенно информация о деятельности революционных партий к Герасимову пошла.

Первого декабря Александр Васильевич на конспиративной квартире встречался с агентом Вороной. Под этим псевдонимом значилась член РСДРП, большевичка Юлия Осиповна Серпова. Она работала секретарём в Совете народных депутатов Петербурга.

– Вчера на заседания Совета обсуждался «Финансовый манифест» Троцкого, – докладывала Ворона.

Она была некрасива – продолговатое лицо, с тяжёлой челюстью и широкими зубами, было похоже на лошадиную морду. Непривлекательность и толкнула её на сотрудничество с полицией. В революцию она метнулась вслед за своим женихом, а тот предпочёл ей другую. Уже потом, Герасимов выяснил, что она очень любит деньги. Он сыграл на этом, заявив, что похлопочет об увеличении ей оклада, но ему нужны для этого веские основания. Ворона всё поняла правильно, и спустя некоторое время она уже была помощницей Троцкого.

– Любопытно было бы взглянуть на этот документ, – за-

метил Герасимов.

– Мне удалось раздобыть копию, – ответила Ворона. Она взглянула на Герасимова и покраснела: – Только...

– Пардон мадмуазель, – Герасимов встал и отошёл к окну. Он стал смотреть на улицу, искоса поглядывая на Ворону.

Та расстегнула кофточку, из корсета достала сложенный вчетверо лист бумаги. Герасимов подглядывал за Вороной не потому, что интересовался её нижним бельём. Было несколько случаев, когда на конспиративных квартирах, агенты стреляли в жандармских офицеров.

– Можете повернуться, – сказала Ворона, застегнув кофточку.

Герасимов сел за стол, взял бумагу Серповой. Он стал читать и его брови поползли вверх.

– Однако! – сказал он.

«Финансовый манифест» Троцкого – это обращение Совета народных депутатов Петербурга к населению Российской империи. В нём был призыв отказаться от уплаты податей и налогов, забирать вклады в банках и требовать проводить все денежные операции золотом.

– Завтра манифест будет опубликован во всех Петербургских газетах, – добавила Серпова.

– А если владельцы газет не захотят печатать это? – спросил Герасимов.

– Они ничего не смогут сделать, во всех типографиях есть рабочие комитеты, они выполняют указания Совета, – отве-

тила Ворона, – на заседании Совета, Троцкий сказал, что в России возникнет паника, люди бросятся в банки забирать вклады.

– За эту информацию Юлия Осиповна вам положено отдельное вознаграждение в размере двухсот рублей. Через два дня здесь же, я вручу вам ваши деньги, – сказал Герасимов, убирая текст «Финансового манифеста» Троцкого во внутренний карман пиджака. Видя, как порозовело лицо Ворона, он понял, что угадал с суммой.

– Мне бы хотелось также знать насчёт оружия, – продолжил жандармский полковник.

– Этим занимается боевая техническая группа под руководством Германа, – ответила Ворона.

– Герман, Герман, – задумчиво сказал Герасимов, – нужно будет посмотреть, что у нас есть по этому Герману.

– Не трудитесь, – усмехнулась Ворона – Серпова, – под этим прозвищем скрывается музыкант Николай Буренин. Говорят, он аккомпанировал самому Шаляпину. У его покойного отца, купца Евгения Ивановича Буренина, имение в Кириясало³⁴. Всё оружие в подвале дома Бурениных, в этой деревне.

– Благодарю вас Юлия Осиповна, – кивнул жандарм. Он усмехнулся: – Ну, вот вознаграждение возросло до четырёх-

³⁴ Кириясало – упразднённая в 1957 году деревня между речками Волчья и Смородинка на территории современного Куйвозовского сельского поселения, Всеволожского района Ленинградской области.

сот рублей.

От конспиративной квартиры до Мойки в отделение Герасимов шёл пешком. Он шёл и думал о Вороне,

«Почему Господь так не справедлив к некоторым женщинам?! Отчего он не делает всех женщин одинаково прекрасными?! – вопрошал Герасимов. Впрочем, тут он оборвал себя и подумал: – Тогда, ты лишился бы такого полезного агента. Хотя мне искренне хочется, что бы Юлия Серпова обрела своё семейное счастье и не лезла бы в революцию».

Герасимов улыбнулся: «Вероятно всё же я плохой жандарм, слишком сентиментален».

Рассуждая, Герасимов дошёл до дома № 12 на набережной Мойки, где и располагалось Петербургское охранное отделение полиции.³⁵ Когда полковник вошёл в отделение, у дверей своего кабинета застал каких-то двух субъектов и своего заместителя подполковника Моделя. Один из этих господ – в пенсне, снял шляпу и сказал:

– Благодарю вас господин подполковник за оказанное содействие, – после чего эта парочка удалилась.

– Кто эти господа, и что за содействие вы им оказали Николай Карлович? – спросил Герасимов.

– Это представители Совета народных депутатов, – ответил Модель, – они предъявили мне постановление Совета народных депутатов, и попросили показать, кто содержится у

³⁵ Бывшая квартира русского поэта А.С. Пушкина. Здесь охранное отделение полиции было до 1909 года, после чего переехало на Морскую улицу.

нас в камерах. Затем обошли все наши кабинеты.

– Что?! – вскинулся Герасимов. Он подошёл вплотную к Моделю: – Вы и мой кабинет им показывали?

– Ну да, – развёл руками подполковник, – у них была бумага, дающая им право на это.

– От кого?! – не сдержавшись, перешёл на крик Герасимов.

– От Совета народных депутатов, – покраснев, пролепетал жандармский подполковник.

– Будьте любезны господин подполковник, пройдите в мой кабинет, – сказал Герасимов, распахнув дверь.

От крика Герасимова, в коридор стали выглядывать офицеры и гражданские чиновники, он решил дальнейший разговор продолжить у себя в кабинете. Герасимов нарочно не начинал разговор, он давал себе время успокоиться, подавить, клокотавший внутри его гнев. Не спеша, он повесил своё пальто на вешалку.

– Николай Карлович, – начал спокойным тоном Герасимов, – объясните, кому вы служите, Государю – императору, или Совету народных депутатов?

– Но у них же было постановление, – Модель вспотел.

– Николай Карлович, пройдите в свой кабинет, и напишите прошение об отставке, – сказал Герасимов, – я вас больше не задерживаю.

После ухода заместителя, Герасимов позвонил министру МВД Дурново и просил немедленно принять его. Алек-

сандр Васильевич показал министру «Финансовый манифест» Троцкого, просил дать ему распоряжение на арест Совета народных депутатов. Герасимов говорил и говорил, а Пётр Дурново, сидя за своим столом, рисовал фигурки на листе бумаги. Наконец он поднял голову и сказал:

– Хорошо, завтра в два часа дня мы проведём совещание и обсудим ваше предложение.

На следующий день в кабинете Дурново собрались – директор Департамента полиции Эммануил Вучич со своим заместителем Петром Рачковским, два товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты Трегубов и Камышанский, ну и конечно полковник Герасимов, он вновь повторил свои доводы об аресте Совета народных депутатов.

– Александр Васильевич, вы напрасно сгущаете краски, пугая нас мифическим восстанием, – заметил Рачковский.

– Пётр Иванович, у меня достаточно точных агентурных данных, указывающих на то, что Совет подготавливает восстание. Предъявленный вам «Финансовый манифест» прямое доказательство этого, – ответил Герасимов.

– Даже если этот манифест и будет напечатан в наших газетах, дальше Петербурга он не уйдёт, – возразил Рачковский. Он посмотрел на Вучича: – Мы с Эммануилом Ивановичем позаботимся об этом.

– Да всем охранным отделениям полиции в губерниях, будут даны указания, изымать тиражи газет с этим манифе-

стом, – подтвердил Вучич.

– Кроме того, одними статейками в газете, революцию не сделаешь, – усмехнулся Рачковский, – нужно оружие, а его-то как раз у Совета и нет.

– Вы заблуждаетесь на этот счёт Пётр Иванович! – воскликнул Герасимов. Он хлопнул ладонью по столу: – У большевиков есть специальные группы перевозящие оружие из-за границы.

– Наши заграничные агенты ничего об оружии не сообщают, – покачал головой Рачковский. Он посмотрел на Герасимова: – Вся эта информация, о якобы переправляющемся из-за границы оружии, фантазии ваших агентов. Кроме того Сергей Юльевич Витте категорически против обострения ситуации в Петербурге. Он разговаривал по этому поводу с Треповым, тот сообщил позицию Сергея Юльевича Государю, который полностью согласен с позицией Витте.

– Пётр Иванович, хотелось бы прояснить, – сказал министр, он опять рисовал фигурки на листе бумаги. Положив карандаш, Дурново спросил: – Нежелание обострять ситуацию в Петербурге, это ваша позиция или Сергея Юльевича Витте?

– Витте и Государя, – ответил Рачковский.

Пётр Иванович Рачковский был в приятельских отношениях с Витте и с Треповым. Именно он способствовал сближению Трепова и Витте. После удачно заключённого в Портсмуте мирного договора с Японией, Николай II благово-

лил к Витте. В свою очередь Сергей Юльевич решил влиять на императора через генерала Трепова, который был весьма близок с Госадурем.

– Если Государь против ареста Совета, мы не можем идти наперекор его воле, – заметил Трегубов.

– О чём вы говорите Сергей Николаевич?! – воскликнул Камышанский. Он посмотрел на Дурново и продолжил: – Уверен, отказывая в поддержке Александру Васильевичу Герасимову, мы толкаем страну в пропасть революции! Подумайте о России!

– Ну да, – усмехнулся Рачковский, – за Россию у нас радуют только Камышанский и Герасимов.

Ответить Камышанский ничего не успел, в кабинет вошёл министр юстиции Акимов.

– Вот свежий человек! – оживился Дурново. Он посмотрел на министра юстиции и продолжил: – Михаил Григорьевич, выслушайте, пожалуйста, доводы полковника Герасимова и выскажите своё мнение.

Герасимов, в который раз повторил свою речь. Когда он окончил, Дурново сказал:

– Я понимаю тревоги полковника Герасимова. Однако, большинство участвующих в нашем совещании, высказывается против ареста Совета народных депутатов. Это усугубит и без того критическое положение. Я склоняюсь к мнению большинства.

– А я целиком согласен с полковником Герасимовым, – от-

ветил Акимов. Он посмотрел на Дурново: – Если вы как министр внутренних дел не считаете возможным принять предлагаемые полковником меры, то это сделаю я.

Подойдя к столу, Акимов взял лист бумаги, обмакнув перо в чернила, стал писать. Закончив, подошёл к Герасимову.

– Полковник Герасимов, я как генерал – прокурор Империи, уполномочиваю вас произвести арест Совета народных депутатов. Вот вам постановление на арест, – Акимов отдал Герасимову лист бумаги.

– Ну, теперь ждите революцию! – воскликнул Рачковский.

Вечером 3 декабря, батальон Семёновского полка оцепил здание Вольного экономического общества, где заседал Совет народных депутатов. Герасимов в сопровождении городских и жандармов вошёл в здание. Лев Троцкий в этот момент как раз выступал на трибуне

Через два дня Герасимов опять приехал к Дурново.

– Ваше высокопревосходительство, от своих агентов я получил информацию о том, что революционные партии на арест Совета народных депутатов в Петербурге, планируют ответить забастовкой, а потом вооружённым восстанием, – докладывал он, – по плану, восстание должно начаться вначале в Москве. Затем в Петербурге и далее по всей России. Шестого декабря в Москве должен собраться Всероссийский железнодорожный съезд. Поводом для проведения съезда послужил пересмотр устава касс взаимопомощи железнодорожных служащих. На этом съезде примут участие члены

революционных партий. Они протолкнули решение съезда, о начале всеобщей забастовки на железной дороге. Цель этой забастовки, сделать невозможным переброску войск по железной дороге, для подавления восстания в городах Российской империи.

– Вы не сгущаете краски Александр Васильевич? – с сомнением сказал Рачковский, сидевший в кабинете министра внутренних дел. Он посмотрел на Дурново: – Пётр Николаевич, давайте не будем спешить. Я поеду в Москву и разберусь там в ситуации. Оттуда телеграфирую вам.

– Да поезжайте Пётр Иванович, – кивнул Дурново, – после вашей телеграммы мы примем решение.

Однако в Москву Рачковский не поехал, а сказавшись больным, заперся дома. 7 декабря в ответ на арест Совета народных депутатов Петербурга, Совет народных депутатов Москвы призвал начать всеобщую городскую стачку. Такое же постановление вынес Всероссийский съезд железнодорожных служащих. Уже вечером 7 декабря, в Москве забастовщики столкнулись с полицией. Войска московского гарнизона были ненадёжны и солдат держали в казармах. Пока ещё боевые дружины рабочих за оружие не брались, а казаки при разгоне демонстраций использовали только нагайки.

Утром 8 декабря на стенах домов появилось распоряжение градоначальника Москвы адмирала Дубасова о введении в городе «положения чрезвычайной охраны». В этом распоряжении уведомлялось, что по толпе в случае беспорядков

будет открываться огонь. Вечером того же дня, полицией был обстрелян митинг у театра «Аквариум» на Большой Садовой улице.³⁶ Было убито восемь человек и более шестидесяти ранено. Всё, первая кровь пролилась!

Рабочие дружины достали из тайников оружие. В здании реального училища Фидлера, которое находится на углу Сверчкова переулка и Мясницкой улицы был штаб московской дружины эсеров. В подвале училища был устроен тир, где дружинники учились стрелять из револьверов и пистолетов. Вечером 9 декабря дружинники собрались для обсуждения плана захвата Николаевского вокзала Москвы³⁷. Это было необходимо, что бы предотвратить сообщение между Москвой и Петербургом во время будущего восстания. Тогда будет затруднена переброска войск в Москву из Петербурга. Дружинники так бурно обсуждали план захвата вокзала, что даже не заметили, как здание реального училища Фидлера было окружено двумя ротами 7-го гренадёрского Самогитского полка и эскадром 1-го гусарского Сумского полка. Этим войскам были приданы два орудия из 3-ей Гренадёрской артиллерийской бригады. Так же в операции участвовали городовые, а общую команду осуществлял командир гусарского эскадрона ротмистр³⁸ Рахманинов. Он знал, что

³⁶ Теперь это «Театр Москва» на Большой Садовой улице.

³⁷ Николаевский вокзал в Москве – ныне Ленинградский вокзал, расположенный на Комсомольской площади в Москве.

³⁸ Ротмистр – чин в кавалерии и у жандармов. Он равен чину капитана в пехоте

в здании засело более сотни вооружённых боевиков, потому riskовать солдатами не хотел. Ротмистр Рахманинов предложил боевикам выйти и сложить оружие. Боевая дружина эсеров в основном состояла из учеников реальных училищ и гимназистов. Из оружия с собой у них были пистолеты и револьверы. Мальчишкам захотелось повоевать, в ответ на предложение Рахманинова, из окон раздались выстрелы. Было далеко и боевики не могли стрелять прицельно, однако умудрились убить одного гусара и ранить двух лошадей. Рахманинов приказал поручику – артиллеристу Ленивцеву дать залп из пушек по окнам. Артиллеристы несколько раз выстрелили из орудий. Во время обстрела, перепуганные дружинники залегли под партами. К счастью никто из них не пострадал.

Когда Рахманинов вновь предложил боевикам выйти и сдаться, те поняли, что шутки кончились, и стали выходить из здания. В эскадроне ротмистра Рахманинова служил корнет³⁹ Соколовский. Он мечтал совершить подвиг во имя Государя, но всё не доводилось – хотел попасть на войну с Японией, но она закончилась раньше, чем он окончил Николаевское кавалерийское училище. По существу, Соколовский был таким же мальчишкой, как и те, что засели в Фидлеровском реальном училище, но у него на плечах были погоны.

и есаулу в казачьих войсках. Аналог современного звания майор в ВС РФ.

³⁹ Корнет – чин равный подпоручику в пехоте и хорунжему в казачьих частях. Аналог звания лейтенант в вооружённых силах РФ.

Когда перепуганные дружинники стали выходить из здания и сдавать оружие, Соколовский выхватил саблю из ножен и заорал:

– Эскадрон, сабли наголо! За мной марш!

Он понёсся на безоружных дружинников, человек пять из гусар выполнили команду своего корнета и поскакали за ним. Они стали рубить перепуганных дружинников и убили двадцать три человека, прежде чем Рахманинов успел остановить эту бойню. В суматохе четверо боевиков метнулись к оцеплению солдат 7-го Самагитского полка, те были так ошеломлены произошедшим на их глазах убийством, что пропустили эту четвёрку боевиков, сквозь свою цепь. Прекратив бойню, ротмистр Рахманинов передал девяносто одного задержанного боевика приставу Тверской полицейской части Глухову. Именно с побоища учинённого Соколовским у здания Фидлеровского училища началось Московское вооружённое восстание. 10 декабря 1905 года Москва покрылась баррикадами.

От Соколовского, офицеры 1-го гусарского Сумского полка потребуют уволиться со службы. 20 июня 1906 года он уволится из полка по семейным обстоятельствам. Когда начнётся первая мировая война, его призовут в армию, и он опять попадёт в свой полк. Корнет Соколовский погибнет в бою 15 октября 1915 года. Однако дорогой читатель давай вернёмся в Москву декабря 1905 года.

Рано утром десятого декабря баррикады стали появлять-

ся в Замоскворечье, на Пресне, в Лефортово, Сокольниках и на Симоновке. Строились они строго по плану, разработанному ещё летом 1905 года студентами – архитекторами, входящими в Боевую секцию Московского комитета РСДРП.

Вечером девятого декабря Иван Смирнов пришёл домой к Владимиру Холмогорову в Дангуэровскую слободу.

– Комитет принял решение начать восстание, – сказал он, греясь у печки, – твоей дружине необходимо за ночь построить баррикаду на углу Долгоруковской и Садовой улиц, и держать там оборону.

– Понял, – кивнул Владимир. Он заглянул за занавеску, там, в закутке у печки была кровать его сестры: – Валька, беги к Тимохе Воробьёву и скажи, что я объявляю сбор немедленно. От Тимохи пойдёшь к Никифору Сидорову, так же предупредишь о сборе. Затем вернёшься домой, дел у нас ещё много.

Из соседней комнаты вышла мать, Владимир обнял её.

– Ну, маманя начинается! – сказал он.

Мать перекрестила сына и Вальку, вышедшую из своего закутка, а потом Ивана Смирнова.

– Анна Андреевна, я не верующий, – улыбнулся Иван.

– Господь он всех любит, – вздохнула та, – даже таких губошлёпов как ты.

Дружина Холмогорова построила баррикаду к шести часам утра. Сделали её просто – спилили ближайшие телеграфные столбы и уложили их в основание. Сверху навалили

хлам, который нашли в ближайших дворах – бочки, доски, снимали во дворах несколько ворот.

Пока дружинники строили баррикаду, Холмогоров взял с собой Тимофея Воробьёва, который стал его заместителем. Вдвоём они прогулялись по Садовой и Долгоруковской улицам. Разглядывая колокольню Никольской церкви Владимир сказал:

– На колокольне не плохо было бы засаду с бомбами устроить.

– А то! – рассмеялся Воробьёв. Он махнул рукой в сторону баррикады: – Если они на нас по Долгоруковской пойдут, мы их бомбами угостим.

Во время русско–японской войны русские солдаты придумали начинать снарядные гильзы динамитом. Японцы для этих же целей использовали стволы бамбука или банки из-под мармелада. В качестве запала, все использовали бикфордов шнур. Кидать такие бомбы было неудобно. В марте 1904 года японцы придумали привязывать к своей бомбе деревянную ручку. Можно сказать, что это уже был прообраз гранаты.

Эсеры, убивая царских чиновников, тоже использовали бомбы, а химик боевой организации эсеров Алексей Бах, придумал для них взрыватель. Он состоял из колбы с серной кислотой, в которую вставлялась пробирка, где были смешаны бертолетова соль и сахар. Когда от удара колба и пробирка разбивались, серная кислота и бертолетова соль смеси-

вались, вступая в реакцию, происходил взрыв, который детонировал динамит. В 1904 году эсер – химик Биллит обучил большевика по кличке Аптекарь⁴⁰. Тот организовал динамитную мастерскую в Киеве, а когда на неё вышла полиция, Аптекарь перебрался в Москву. Там он придумал в качестве оболочки для своих бомб использовать пустые бутылки. Точнее будет сказать, что Аптекарь ничего не придумал, а воспользовался опытом русских солдат, времён обороны Севастополя во время Крымской войны 1853-1856 годов.

Динамит Аптекарь производил из смеси 79% нитроглицерина и 25% углекислой магнезии в качестве поглотителя нитроглицерина⁴¹. Эта вязкая взрывная смесь заливалась в бутылку, а в качестве детонатора Аптекарь придумал вставлять капсуль – детонатор Нобеля. Изготовление таких бомб в 1905 году в Москве Аптекарь поставил на поток. Производил он бомбы на территории мебельной фабрики Шмидтов на Пресне.

Десятого декабря в восемь часов утра, в Московское губернское жандармское управление, находящееся на Петровке дом 38, прибыла сотня 10-го Уральского казачьего полка под командой есаула Колотова. Позади здания Московского

⁴⁰ Департамент полиции пытался установить, что за человек скрывается под кличкой Аптекарь, но безрезультатно.

⁴¹ Этот состав в 1860 году изобрёл полковник Русской императорской армии Петрушевский.

ГЖУ находились конюшня и казарма казачьей команды, в которой служил Андрей Балакирев. Эта команда была из 10-го Уральского казачьего полка. Начальник команды хорунжий Иванов. Во внутреннем дворе ГЖУ Колотов построил сотню и казачью команду.

– Казаки! – начал Колотов. Он оглядел казачий строй и продолжил: – Революционеры и всякие смутьяны пытаются бунтовать против Государя. Наш долг состоит в служении Царю и Отечеству. Выполним же его с честью! Разойдись!

Казаки из команды здоровались со своими земляками из сотни, собирались кучками и курили, а Колотов сказал хорунжему:

– Николай Иванович я сотней буду атаковать по Садовой, а ты со своей командой по Долгоруковской. Аллюр галоп, так напором и сомнѐм бунтовщиков.

– Может лучше в пешем порядке? – с сомнением сказал Иванов.

– Нет, пойдѐм намѐтом ⁴², – покачал головой Колотов. Он усмехнулся, – Мастеровые, как увидят, что мы несѐмся на них, так и разбегутся со своих баррикад, тут мы их с двух сторон и зажмѐм.

Когда казачья команда ехала по Долгоруковской улице, уже явственно слышалась стрельба. Звуки выстрелов доносились с разных сторон. Рядом с Балакиревым ехал Ванька

⁴² Намѐт – вид походки лошади (аллюр). Намѐт иначе называют галоп. При намѐте скорость лошади достигает 60 км/час и выше.

Усов.

– Тревожно чего-то у меня на душе, – сказал он

– Не трясись, всё нормально будет, – Андрей хлопнул его ладонью по локтю.

– Не то что бы страшно, – продолжил Ванька. Он ударил себя кулаком по левой стороне груди: – Ноет вот тут.

– Казаки! Снять винтовки с плеч! – дал команду хорунжий Иванов. Он вынул шашку из ножен и крикнул: – Слушай меня! Даём залп по бунтовщикам и идём на них намётом. Все смотрят на меня, как я махну шашкой, замедляем ход и даём ещё один залп. Затем спешиваемся и бегом на баррикады.

Хорунжий посмотрел на Ползунова и продолжил:

– Вахмистр, отбери пять человек в «маяк», ты шестой. Как мы спешимся, наших лошадей уведёте на конец улицы, подальше от пуль. А мы тем временем баррикады штурмовать будем.

Рано утром Тимоха Воробьёв взял с собой трёх дружинников, и они отправились к Никольской церкви. С собой у них было с десяток бутылок – бомб. Разбудив церковного сторожа и пригрозив ему револьвером, Тимоха забрал у него ключи от церковной колокольни.

– Эх, промёрзнем мы здесь, ожидая невесть чего, – вздохнул Степан Дергунов, едва они влезли на колокольню, – водки нужно было взять с собой.

– Кому чего, а Стёпке выпивка, – засмеялся самый млад-

ший из них, восемнадцатилетний Коляня Андреев.

– Ничего, на ветру промёрзнешь, перестанешь зубоскалить, – Стёпка поднял воротник своего пальто и сунул руки в карманы.

Казачков они заметили ещё в начале Долгоруковской улицы. У одного из них была шашка в руках, у других ружья.

– Ну, ребята готовы бомбы, – весело сказал Тимофей и потёр замёрзшие руки, – этот с шашкой в руках, наверно офицер, – тем временем, офицер взмахнул шашкой, и казаки выстрелили по баррикаде.

Андрей Балакирев выстрелил, затем передёрнул затвор своей винтовки, поднял её стволом вверх .

– Намётом марш! – крикнул хорунжий Иванов.

Андрей нагайкой, которая была у него в левой руке, легонько шлёпнул по крупу своего Орлика. Казачья команда понеслась по Долгоруковской улице к баррикадам. Андрей успел на скаку один раз выстрелить, стал передёргивать затвор винтовки, тут справа от него взметнулось огненное пламя. Орлик завалился на бок, и Андрей, ударившись о землю, выронил из рук винтовку.

Раздалось ещё несколько взрывов, но Андрей не мог сказать где. Его конь встал на ноги и понёсся на баррикады, при этом он пронзительно кричал, словно человек. Левая нога Андрея застряла в стремени, он волочился за конём по мостовой, отчаянно пытаясь высвободить ногу.

Когда казаки начали атаку, Валентина Холмогорова была вместе с дружинниками на баррикаде. В бревно телеграфного столба рядом с Валькой шлёпнула пуля, но ей не было страшно, от того, что не верилось, что могут убить. Ещё не было убитых и раненных, и не пришло осознание опасности.

Казаки неслись на баррикаду, стреляя на скаку. Зрелище было не для слабонервных! Ещё несколько секунд и они будут рядом. Однако, когда они поравнялись с Никольской церковью, раздалось несколько взрывов, прямо в казачьей лаве. Это Тимоха Воробьёв с товарищами кинул с колокольни бомбы в казаков. Пятеро казаков попадали на землю, двое из них вскочили на ноги и побежали назад вслед за своими лошадьми. Казаки так же повернули своих коней и отступили. На земле остались лежать трое казаков и одна лошадь. Убиты они были или ранены, этого Валька сказать не могла. Впрочем, она всего лишь миг смотрела на них. Валькино внимание привлекла казачья лошадь, которая обезумев от взрыва, неслась на их баррикаду. Сзади лошади по мостовой волочился казак. Нога его застряла в стремени, и казак отчаянно пытался выпутаться. Ещё когда казаки начали атаку, Валентина заметила, что казаки были с бородами, а она знала – это могут быть только уральцы.

«Андрей!» – подумала Валька, глядя на казака, вочащегося за лошадь, у неё от страха сжалось сердце.

Папаха слетела с головы казака, пока он вслед за лошадь, волочился по мостовой, и Валька видела, у него светлые во-

лосы, но была борода или нет, разглядеть не могла. В метрах двадцати от баррикады, казаку, наконец, удалось освободить ногу из стремени, и он, проехав по снегу, ударился о стену дома и остался лежать на мостовой. Конь его, доскакав до баррикады, развернулся и понёсся в противоположную сторону под свист дружинников.

– Сейчас я казачка подрежу, – сказал Стёпка Никифоров и стал целиться в лежачего казака из револьвера.

Валька подскочила к нему и схватила за руку, грохнул выстрел.

– Ты чего сдурела?! – взъярился Стёпка.

– Он лежит, может, даже убит, а ты на него патроны тра-тишь, – ответила Валька.

– Верно сестрёнка, патроны нужно беречь, – подхватил подошедший Владимир Холмогоров. Он оглядел баррикаду и крикнул: – Братцы экономим патроны, стреляем только тогда, когда нас атакуют.

Валька заметила, что лежащий казак вскочил на ноги и юркнул в ближайшую подворотню. Андрей это был или нет, она так и не узнала.

Балакирев дворами и переулками добрался до Селезнёвской улицы, где и наткнулся на свою казачью команду.

– Эх, видно зря говорят: «Казак лучше жизнь потеряет, чем шапку или шашку», – усмехнулся вахмистр Ползунов глядя на Андрея. Он указал рукой на шашку Балакирева и

продолжил: – Хорошо хоть Босорылый ты шашку не потерял.

– Я Поликарп Демьянович чуть было голову вместе с папхой не потерял, – вздохнул Андрей.

– Однако жив и то ладно, – кивнул вахмистр. Он вздохнул и добавил: – Троих убили. Стёпку Леонова, Сашку Нилова и Ваньку Усова. Ваньку жалко. Снарядили мы охотников, что б казаков вытащить, так Ванька ещё жив был. Здесь уже помер.

Вахмистр Ползунов перекрестился.

Атаку сотни есаула Колотова, восставшие на баррикадах, так же отбили, потеряв пятерых убитыми и восемь ранеными, Колотов дал приказ отходить.

План центра по подготовке восстания был таков: зажать Садовое кольцо в тиски и дождаться присоединения к восставшим взбунтовавшихся воинских частей. Однако офицерам удалось удержать солдат в казармах. Их усиленно поили водкой, водили в казармы гулящих девок. Тем временем градоначальник Москвы адмирал Дубасов телеграфировал в Петербург, умоляя прислать войска.

Не было у восставших централизованного управления. В первый же день восстания, эсеры сцепились с большевиками в спорах: кто главный? Они так и не смогли договориться и к пятнадцатому декабря центр по управлению восстания развалился. Теперь боевые дружины эсеров и большевиков вое-

вали обособленно, не координируя свои действия. По городу пошла волна грабежей, и было не понятно, кто это – восставшие или просто уголовники воспользовавшиеся ситуацией.

В ночь с 14 на 15 декабря в Москву по Николаевской железной дороге прибыл Семёновский полк под командой полковника Мина. Свой штаб Мин организовал на Николаевском вокзале. Он тотчас же отправил батальон подполковника Римана усмирять железнодорожных рабочих на Казанской железной дороге. Батальон Римана погрузился в вагоны и отправился в путь. Два других батальона полковник Мин отправил в город подавлять восстание с приказом: «Патронов не жалеть! Пленных не брать!»

Третий батальон Семёновского полка под командой подполковника Римана действовал так жёстко, что с тех пор семёновцев в армии стали презирать, называя их «мясниками». Остановливаясь на станции, солдаты хватили без разбору человек по тридцать железнодорожных рабочих и тут же их расстреливали. После чего велели остальным железнодорожникам приступать к работе. Расстреляв людей на одной станции, батальон Римана ехал к следующей. Слухи о зверствах батальона Римана вмиг разнеслись по всей Казанской железной дороге, и железнодорожники прекратили забастовку. Как только Казанская железная дорога заработала, в Москву тотчас же прибыла 3-я Гренадёрская артиллерийская бригада и Ладожский пехотный полк.

В Москве разгорелись сильнейшие бои, однако восстав-

шие с револьверами и охотничьими ружьями не могли противостоят пушкам. Войска довольно быстро освободили от восставших центр Москвы. Армия упёрлась в Пресню. Именно её градоначальник Дубасов определил как центр восстания, потому полковник Мин, руководивший всеми воинскими частями, приказал на Пресне действовать особо жестоко. Три дня войска окружали Пресню, пытаясь войти туда с разных сторон. Однако на узких улочках и в переулках заканчивающихся тупиками, солдаты натыкались на засады и даже на минные поля, неся потери. Тогда полковник Мин приказал: «Артиллерии сжечь Пресню!»

17 декабря в 4 часа утра начался артиллерийский обстрел Пресни. Он длился шестнадцать часов. Во время этого обстрела загорелась мебельная фабрика Шмидтов. Кроме лаков и красок, там хранились бомбы и боеприпасы. Всё это стало взрываться.

Взрывы на фабрике Шмидтов для большевистского военного центра означало одно – конец восстания. Поступил приказ: рабочим дружинам спрятать оружие и разойтись по домам. Николай Шмидт снабдил деньгами и паспортом руководителя восстания на Пресне Михаила Николаева и его помощника Алексея Колокольцева, те выбрались из города.

18 декабря к 12 часам Пресня полностью выгорела, и пожары там прекратились, туда вошли войска. Николай Шмидт был арестован. Во время восстания в Москве погибло свыше пяти тысяч человек, большинство от артиллерийского об-

стрела Пресни.

Находясь в тюрьме, Николай Шмидт объявил сёстрам Елизавете и Екатерине свою волю – передать своё состояние на нужды партии большевиков, те не возражали. Для этого Екатерина и Елизавета фиктивно вышли замуж за членов партии РСДРП. Елизавета вышла замуж за адвоката Николая Андриканиса, а Екатерина за Александра Игнатьева. Впрочем, брак Елизаветы, планировавшийся как фиктивный, перерос в настоящий брак. Впоследствии у Николая и Елизаветы родились сын и дочка – Евгений Андриканис стал кинооператором, а его сестра Татьяна стала артисткой, она взяла себе псевдоним Лаврова.

Бывшие дружинники Пресни решили освободить Николая Шмидта из тюрьмы. К разработке операции по его освобождению подключился Эразм Кодомцев. 15 февраля 1907 года планировалось освобождение Шмидта, но случайно или нет, 13 февраля Николай Шмидт в тюрьме был зарезан уголовниками.

В Москве разгоралось восстание, а в Тимерфорсе 12 декабря собралась конференция РСДРП. Эта конференция проводилась вместо несостоявшегося IV съезда РСДРП. Именно в Тимерфорсе произошло личное знакомство Владимира Ульянова⁴³ и большевика Кобы. Под этим псевдони-

⁴³ Тогда в 1905 году В. Ульянов только начал подписывать свои статьи и книги псевдонимом Н. Ленин. Литературный псевдоним «Ленин», в 1905 году ещё не стал партийным псевдонимом. Это произойдёт позже в 1906-1907 годах.

мом в партии значился Иосиф Джурашвили.

Глава 3

«Где раз немецкий орёл захватил владения и запустил свои когти в землю, там земля становится немецкой и немецкой останется».

Из речи кайзера Германской империи Вильгельма II в Вильгельмсхафене перед матросами – новобранцами 1 марта 1898 год.

Январь 1906 года.

До сороковых годов XIX века в Европе, в землях, где проживали немцы, существовало 22 монархических государства и два вольных города. Идея объединения германских земель в одно государство витала в воздухе, но была трудновыполнима. Причину очень хорошо озвучил министр – председатель правительства Пруссии Отто фон Бисмарк: «Германия слишком тесная для того что бы Австрия и Пруссия могли поместиться обе в ней».

Монархи этих держав хотели занять лидирующее положение в объединённой Германии. Но до поры до времени Пруссия и Австрия воевать друг с другом не стремились. В 1864 году они сообща напали на Данию и отобрали у неё Шлезвиг и Гольштейн. Там в основном проживало немецкоговорящее население. Шлезвиг отошёл Пруссии, а Гольштейн Австрии. Однако соперничество между Пруссией и Австрией не прекратилось. В 1867 году между ними случилась война. Более организованная прусская армия, легко разгромила ав-

стрийскую армию. Между Пруссией и Австрией был заключён мирный договор, по которому Австрия отказывается от всех притязаний на лидерство в Германии и передаёт Пруссии Гольштейн.

После поражения от прусаков, Австрия утешилась тем, что захватила Венгрию. Что бы успокоить венгров, им была предоставлена автономия, отныне государство именовалось Австро-Венгерская империя. Тем временем министр – председатель правительства Пруссии Отто фон Бисмарк озабочился созданием северо – германского союза под предводительством Пруссии. Но остались необъединёнными Эльзас и Лотарингия две южно – германские земли. Вхождению этих земель в состав общегерманского союза препятствовала Франция, опасаясь иметь на своих северных границах сильное германское государство. Эльзас и Лотарингия играли роль буфера между Францией и новым германским союзом. Из-за этих противоречий вспыхнула в 1870 году франко – прусская война, в которой победила Пруссия.

Эльзас и Лотарингия вошли в общегерманский союз, и 18 января 1871 года было объявлено о создании Германской империи. Само собой Австрия в состав этой империи не вошла. Императором (по-немецки кайзер) стал Вильгельм I, а канцлером империи Отто фон Бисмарк.

После поражения в войне, Франция выплатила Германской империи контрибуцию в размере пяти миллиардов франков. На эти деньги в Германии были построены сотни

предприятий. Эльзас и Лотарингия давали уголь для германской металлургии, и Германия стала второй после США индустриальной державой мира.

Теперь Германия хотела иметь колонии по всему миру, но этому противились Франция и Британия. Тогда Германская империя стала вооружаться, благо производственные мощности позволяли – заводы «пушечного короля» Круппа были лучшими в мире.

В 1890 году в Германской империи новым кайзером стал Вильгельм II. Бисмарк при нём вскоре ушёл в отставку. Не то что бы между новым кайзером и «железным канцлером» были крупные разногласия, вовсе нет, но в силу своего характера Вильгельм II всюду хотел быть главным. Не зря же граф Бернгард фон Бюлов – рейхсканцлер Германии 1900-1907 годов, сказал про Вильгельма II: « Он желает на каждой свадьбе быть невестой, на каждых крестинах – новорожденным, а на каждых похоронах – покойником». Молодой кайзер не хотел быть в тени знаменитого канцлера Бисмарка.

С уходом в отставку «железного канцлера», Вильгельм II внешнюю и внутреннюю политику государства оставил без изменения. Германия становилась мировой державой, а её столица Берлин, крупнейшим городом в Европе, с двухмиллионным населением. Вильгельм II хотел, чтобы «Берлин стал самым прекрасным городом в мире», и он стал таким.

В городе было десять вокзалов, а с 1905 года по Берлину стало курсировать множество автобусов, составив стройную

и удобную систему общественного транспорта. Сам кайзер любил ездить по городу на автомобиле «Даймлер». Каждый берлинец знал звук рожка автомобиля кайзера, он исполнял тему грозы из оперы Вагнера «Золото Рейна».

В Берлине вечерами горели тысячи электрических фонарей – ни в одной столице Европы не было столько. Со второй половины XIX века Берлин стал индустриальным городом. В нём располагались десятки предприятий. Один только «Сименсштадт» («город Сименса») занимал целый квартал, где расположились предприятия фирмы «Сименс» – нового электрического гиганта. Кроме производственных корпусов, были здесь и казармы – общежития для рабочих.

Но Берлин – это ещё и столица Германской империи, поэтому в районе Тиргартен находится целый квартал правительственных зданий. Река Шпрее отделяет Тиргартен от района Моабитер – Вердер. Соединяет эти два района мост, кованный, металлический, отделанный красным песчаником. Назван мост в честь Гельмута Карла Бернхард фон Мольтке. Он с 1857 по 1886 года был начальником Большого Генерального штаба прусской, а затем и германской армии. Четырёхэтажное каменное здание Большого Генерального штаба как раз и находится возле моста Мольтке на набережной Шпрее, почти напротив Рейхстага.

Именно при Гельмуте фон Мольтке, Большой Генеральный штаб показал свою высокую эффективность. В штабе досконально изучали весь мировой опыт боевых действий.

Планирование операций осуществлялось на научной основе. В штабе Мольтке искусство управлять войсками возвели в ранг науки. Там детально разбирались вопросы управления войсковых соединений и логистики. Результат работы Большого Генерального штаба сказался 3 июля 1866 года при битве с австрийской армией у чешского села Садова. Тогда три прусские армии действовали так согласованно и синхронно, что легко разбили превосходящие силы австрийцев, которые из-за плохого управления не смогли вовремя собраться в кулак. Именно с этого времени, влияние Гельмута фон Мольтке возросло, а Большой Генеральный штаб приобрёл особое политическое значение. Гельмут фон Мольтке получил право прямого доклада кайзеру как верховному главнокомандующему, и принимать важнейшие политические решения, минуя канцлера и рейхстаг. С 1891 года Большим Генеральным штабом руководил Альфред фон Шлиффен.

Хотя Пруссия в 1870 году за две недели разгромила французскую армию, в Большом Генеральном штабе армию Франции по-прежнему считали сильной. Когда в конце XIX века Германия принялась захватывать колонии по всему миру, она тут же вступила в противоречия с Францией, Россией и Британией. Вдобавок Франция хотела отобрать у Германии Эльзас и Лотарингию. В такой ситуации для германской императорской армии замаячила перспектива войны на два фронта – на западе с Францией и на востоке с Россией. В

Большом Генеральном штабе прекрасно осознавали, что это неминуемо приведёт к поражению Германии в войне.

В 1905 году в Большом Генеральном штабе под руководством начальника штаба Альфреда фон Шлиффена стали разрабатывать план боевых действий против России и Франции. Все работы закончились в декабре 1905 года, именовался этот документ «план Шлиффена». Основной идеей этого плана было то, что России для полной мобилизации потребуется не менее двух месяцев. Следовательно, французскую армию необходимо разбить в срок не более чем за сорок дней, и далее направить войска в Восточную Пруссию для войны с Россией.

1 января 1906 года⁴⁴ Альфред фон Шлиффен ушёл в отставку, на его место был назначен Хельмут Иоганн Людвиг фон Мольтке, племянник прославленного Мольтке. В Германии его звали Мольтке – младший. Он посчитал план Шлиффена чересчур рискованным, в той части, что оставлять Восточную Пруссию без войск нельзя. Мольтке скорректировал план своего предшественника, перебросив часть сил в с Западного фронта в Восточную Пруссию, значительно ослабив войска Западного фронта, противостоящим Франции. По плану Шлиффена для охвата французской армии, планировалось вторгнуться в нейтральные Люксембург, Бельгию и Нидерланды. Мольтке – младший не счёл

⁴⁴ Эта дата по григорианскому календарю, по так называемому новому стилю, следовательно, в Российской империи это день – 15 декабря 1905 года.

нужным захватывать Нидерланды. Так же он решил большее внимание уделять разведке, для чего отобрал несколько молодых офицеров в Большом Генеральном штабе и направил их для инспектирования разведывательных станций на границах Германской империи. Доклады этих офицеров Мольтке решил принимать лично. Больше всего его интересовало положение дел в Восточной Пруссии, потому первым из всех офицеров, посланных с инспекцией, он принял капитана Вальтера Николаи. Направить этого офицера с инспекцией в Восточную Пруссию, Мольтке рекомендовал начальник русского отделения отдела III В (разведотдел) Большого Генерального штаба подполковник Лауенштайн. Окончив с отличием юнкерское училище, Вальтер Николаи был направлен на службу в Большой Генеральный штаб. Лейтенант Николаи попал в отдел III В.

В 1896 году, его направили в Россию для сбора разведанных о русской армии. Живя в России, он в совершенстве овладел русским языком и завёл полезные знакомства. В 1901 году, по возвращению в Берлин, Николаи представил доклад о России в оперативный отдел Большого Генерального штаба. Работа Николаи была высоко оценена Альфредом фон Шлиффеном. Обер-лейтенанту Вальтеру Николаи был присвоен чин капитана и его направили на учёбу в академию Генерального штаба.

– Господин капитан, я вызвал вас, что бы услышать от вас лично, мнение о эффективности работы наших разведы-

вательных станций на границе с Россией, – сказал Мольтке разглядывающий стоявшего навытяжку Вальтера Николаи, – признаюсь сразу, пока я не читал ваш доклад. На это есть веские причины, я считаю, что бумага не способна передать эмоции, да возможно, вы, что-либо упустили. Теперь скажите мне всё что думаете, повторяю, мне нужна полная картина.

– Позволю себе заметить господин генерал – полковник, – начал капитан Николаи, тщательно взвешивая каждое слово, – разведывательные станции на границе с Россией не могут выполнять возложенные на них задачи. Использование на должностях руководителей станций пожилых офицеров – отставников пагубно влияет на работу всей службы разведки на границе.

– Каковы ваши предложения капитан?

– Считаю целесообразным заменить их энергичными и образованными офицерами Большого Генерального штаба, – ответил Николаи, – так же необходимо подчинить этих офицеров штабам приграничных армейских корпусов, а не округам ландвера⁴⁵, это удобно на случай войны с Россией. Тогда офицеры, руководившие разведывательными станциями в случае войны, возглавят разведотделы в штабах этих корпусов. Они будут хорошо осведомлены об обстановке в зоне действия их корпусов.

⁴⁵ Ландвер – войска милиционного типа в Германской империи, аналогия ополчения в Российской империи.

– А вы указали все высказанные только что соображения, в своём докладе?

– Никак нет господин генерал – полковник. Я посчитал, что давать указание руководству не входит в мою компетенцию.

– Напрасно капитан, напрасно, – Мольтке бегло почитал доклад. Протянул его Вальтеру Николаи: – Перепишите свой доклад и укажите все ваши соображения. Я обопрюсь на них при разговоре с военным министром Эйнемом. Нам необходимо реструктуризировать нашу разведслужбу, а для этого потребуется увеличения финансирования.

– Слушаюсь, господин генерал, – щёлкнул каблуками Вальтер Николаи.

– Дальше, – продолжил Мольтке, – вы назначаетесь начальником отдела разведки первого армейского корпуса, однако это формально. В реальности в ваших руках будет сконцентрирована вся деятельность нашей разведки против России. Выезжайте в Кёнигсберг капитан, в штаб корпуса, и организуйте там работу как следует. Я даю вам широкие полномочия.

– Господин генерал – полковник осмелюсь предложить вам.

– Что именно?

– Считаю, что для выполнения возложенных на меня задач, мне необходимо выехать в Россию. Там я смогу возобновить некоторые свои связи. Это позволит наладить аген-

турную сеть в России.

– Да, пожалуй, так будет правильно, – кивнул Мольтке, – и не медленно начинайте подбирать энергичных офицеров для работы в вашем отделе.

– Слушаюсь, господин генерал – полковник! – щёлкнул каблуками капитан Николаи.

Шагая по мосту Мольтке, Вальтер Николаи думал, что в свой отдел ему, пожалуй, нужно пригласить обер-лейтенанта Гемпа. С Фридрихом Гемпом он вместе учился в академии. Когда началась русско-японская война, в Большом Генеральном штабе решили командировать группу офицеров для работы в Японии. Николаи и Гемп вошли в неё. В течение пяти месяцев они в Берлине изучали японский язык, а потом, из всей группы в Японию уехали всего три офицера. Именно на курсах японского языка Гемп и Николаи подружились.

«Пожалуй, для начала в России мне нужно заехать в Минск», – подумал Николаи, остановившись у двери своей квартиры на Карлштрассе.

Минск начала XX века был заштатным губернским городом. В нём практически не было промышленных предприятий как в Витебске или Могилеве. Но здесь дислоцировалось множество военных частей. В городе было полно солдатских казарм. Пройдись по городу, и, пожалуй, военные встречаются чаще, чем штатские. В те времена Минск сла-

вился обилием военных и проституток. Оно и понятно, господа офицеры в большинстве своём не женаты, а о нижних чинах и говорить не приходится. Все хотят женскую ласку, а в Минске легче всего было найти безотказную девицу на улице Весёлая⁴⁶. Эта улица и название своё получила потому, что постоянно на ней раздавался смех девиц лёгкого поведения. Однако Вальтер Николаи приехал в Минск не ради продажной любви.

В 1896 году Вальтер Николаи в Петербурге познакомился с Густавом Бауэрмейстером. Это был купец первой гильдии, миллионщик. В России он имел чин коммерческого советника, а он согласно Табели о рангах приравнивался к VIII классу. При всех чинах и заслугах в Российской империи, Густав Бауэрмейстер являлся подданным Пруссии. Он был руководителем «Санкт-Петербургского общества германских подданных для оказания помощи нуждающимся соотечественникам». Целью этого общества провозглашалось: «Поддержание сплочённости и внутреннего единства оторванных от фатерланда подданных рейха. Формирование у них сопричастности к политической жизни фатерланда». Однако это была общественная нагрузка. Густав Бауэрмейстер был владельцем торгового дома «Ад. Лессинг», который занимался продажей угля, кокса и чугуна. Так же Бауэрмейстер владел крупным пакетом акций Общества Выксунских горных заводов и Общества Коломенского машиностроительного за-

⁴⁶ Весёлая улица – в современном Минске, улица Первомайская.

вода. Именно Густав Бауэрмейстер знакомил Вальтера Николаи с образом жизни в России, и тот поведал Бауэрмайстеру о своих планах по созданию в России агентурной сети из немецких колонистов Поволжья, Причерноморья, и из остзейских⁴⁷ немцев. Среди них было много офицеров армии и флота Российской империи. Густав Бауэрмейстер заявил, что у Вальтера Николаи ничего не выйдет

– Эти люди считают Россию своей родиной и на предательство не пойдут, – заявил Бауэрмейстер, – вам нет нужды работать с ними. Обопритесь в своей деятельности на поданных Германской империи живущих в России. Мы инвестировали в России свои капиталы, в металлургию, горнодобывающие отрасли, машиностроение и судостроение. Мы предоставим вам такие сведения об оборонном потенциале России, какие не даст ни один подкупленный вами агент. Заметьте, эти сведения не будут стоить Германской империи ни пфеннига.

– Да, но в случае войны между Россией и Германией вы все будете интернированы, и у нас не останется ни одного агента в России, – возразил Николаи.

– Для этих целей, мы будем вербовать агентов из русских, – усмехнулся Бауэрмейстер, – с одним из таких людей я вас познакомлю.

Вскоре герр Бауэрмейстер свёл Вальтера Николаи с начальником железнодорожного жандармского отделения в

⁴⁷ Остзейские немцы – Балтийские немцы.

Вержблове⁴⁸ жандармским подполковником Мясоедовым.

Сергей Николаевич Мясоедов был женат на немке из Пруссии, Кларе Самуиловне Гельнштейн. Приданое за женой Мясоедов получил богатое, однако быстро проиграл его в карты. Жалования жандармскому офицеру не хватало, а жить на широкую ногу по-прежнему хотелось, он занялся контрабандой, благо должность позволяла. Через жену Мясоедов познакомился с Густавом Бауэрмейстером, а тот свёл его братьями Фрейдберг, владельцами компании «Русское Северо-Западное пароходство». Те передали пакет акций своей компании, Кларе Самуиловне Мясоедовой. Жандармский подполковник Мясоедов вновь имел возможность жить на широкую ногу, можно было бы и прекратить шашни с контрабандистами, да жаден был Сергей Николаевич. Впоследствии именно делишки с контрабандистами доведут его до позорной отставки, ну об этом позже. А пока Вальтер Николаи назначил подполковнику Мясоедову встречу в Минске. Город этот он выбрал потому, что находился недалеко от Вержблова.

Встреча произошла в десять часов утра, в «Grand Café Select». Это кафе находилось на углу Захарьевской и Богодельной улиц⁴⁹.

⁴⁸ Вержблов – современный город Вирбалис в Литве.

⁴⁹ В настоящее время в Минске, Захарьевская улица не сохранилась. Сейчас там проходит часть Советской улицы и проспект Независимости. Улица Богодельная ныне носит название улица Комсомольская.

Жандармский подполковник Мясоедов знал, что Вальтер Николаи является офицером германской армии, и даже предполагал, что ему нужно от Мясоедова, но на контакт пошёл легко. Немцы уже сейчас, не получая от него никаких сведений, хорошо платят. А сколько будут платить, когда он начнёт работать на германскую разведку?! Сергей Николаевич очень любил деньги.

Вальтер Николаи говорил, о том, что он очень ценит дружбу с подполковником Мясоедовым, однако тот мало слушал его. Через витринное стекло кафе он смотрел на стоящую, на противоположной стороне улицы девушку.

«Хорошенькая, – заметил Мясоедов, – неплохо было бы провести с ней ночку».

В это время к девушке подошёл парень в студенческой шинели, девушка взяла его под руку и они пошли по улице.

«Что она нашла в этом голодранце?! – ревниво подумал Мясоедов. Он вздохнул, закурил папиросу, продолжая думать: – Любовь, штука злая».

Между тем парень и девушка не были влюблёнными, хотя и старательно изображали таковых. Студента звали Иван Пулихов, а девушку Александра Измайлович. Оба они были боевиками Северного летучего отряда эсеров. Около гостиницы «Париж» их ждала приехавшая из Москвы член партии эсеров Зинаида Жученко-Гернгросс. Она привезла бомбу для убийства минского губернатора Курлова. Аксию планировалось провести на похоронах генерала Курча.

Панихида по умершему генералу Курчу состоялась в Петропавловском соборе Минска. Когда гроб с телом генерала Курча вынесли из собора, Пулихов вынул из саквояжа бомбу, которую ему передала Жученко-Гернгросс, (это был металлический цилиндр начинённый динамитом, весивший три килограмма). Иван швырнул бомбу в губернатора Курлова. Цилиндр со всего размаха влетел в голову Курлова, но бомба не взорвалась.

Получив сильнейший удар в голову, Курлов опрокинулся на землю, затем сел, обхватил руками голову и заорал:

– Злодеи убили! – у Курлова до крови была разбита голова, бомба валялась у его ног.

Измайлович выхватила «Браунинг» и стала стрелять в полицмейстера Норова. Она сделала пять выстрелов, но в полицмейстера не попала. Зато убила двоих зевак из толпы, стоящей позади полицмейстера – солдата Захара Потапова и почтальона Фому Гончарика.

Курлов продолжал сидеть на земле, обхватив руками голову и дико орал. Наконец городские опомнились, скрутили Измайлович и Пулихова. Только потом, все вспомнили о несчастном губернаторе, с разбитой головой. Его усадили в экипаж и увезли в больницу. Там выяснилось, что у Курлова сотрясение мозга и содрана кожа на голове.

За всем происходящим у Петропавловского собора наблюдала Зинаида Жученко-Гернгросс – агент Департамента полиции, значившаяся под псевдонимом «Михеев». Когда

Измайлович и Пулихова увезли в полицию, Жученко-Гернгросс отправилась на телеграф, дала в Москву телеграмму: «Дядя ударился головой. Подробности при встрече». Телеграфист, отстучавший эту телеграмму, ни обратил внимание на текст и на адрес в Москве – Большой Гнездиковский переулок дом 4/3.

В Москве на Тверском бульваре находилась резиденция градоначальника⁵⁰, а во дворе резиденции как раз на пересечении Большого и Малого Гнездиковских переулков стоял двухэтажный деревянный дом с двумя входами. Тот вход, что по Малому Гнездиковскому переулку – это Московская сыскная полиция, занимающаяся уголовными преступлениями, а вход по Большому Гнездиковскому переулку, Московское охранное отделение полиции, здесь занимаются политическими делами.

Двадцатого января Жученко-Гернгросс приехала в Москву, связалась по телефону с начальником Московского охранного отделения полиции полковником Климовичем, и тот назначил ей встречу на конспиративной квартире. Однако Климович на встречу с агентом Михеевым пойти не смог и отправил своего заместителя подполковника Михаила фон Коттена. Пока тот встречался с агентом, Климович в своём кабинете принимал начальника Петербургского охранного отделения полиции полковника Герасимова и чиновника Департамента полиции Менщикова.

⁵⁰ Сейчас на этом месте новое здание МХАТ

Леониду Петровичу Меншикову очень нужно было выехать в Москву, но так, что бы это не бросалось в глаза никому из его коллег в Департаменте полиции. Дело, которое он задумал, было незаконное. А как полицейскому чиновнику из Петербурга вырваться в Москву не привлекая внимания? Вот он и решил заинтересовать полковника Герасимова перспективным агентом.

В 1903 году управляющий особым отделом Департамента полиции Сергей Зубатов, начал работу с солдатом Измайловского полка Романом Малиновским. В то время Малиновский никакой ценности как агент не представлял, но Зубатов работал на перспективу. Однако вскоре ввязавшись в интригу против министра внутренних дел Плеве, Сергей Зубатов был уволен со службы, а Малиновский, ведший по заданию Зубатова пропаганду марксизма среди солдат Измайловского полка, стал считаться «неблагонадёжным». Командир лейб-гвардии Измайловского полка генерал-майор Константин Елита фон Вольский сор из избы выносить не стал. Он отправил Малиновского с маршевой ротой на войну с Японией. Пока Малиновский ехал на Дальний Восток, война закончилась, и он вернулся в Измайловский полк.

Полковник Герасимов хотел ознакомиться в Московском охранном отделении с имеющейся у них информацией на Романа Малиновского. Пока Герасимов читал доклады агентуры, в кабинет полковника Климовича вошёл фон Коттен. Он был весел.

– Что это вы Михаил Фридрихович такой смешливый? – полюбопытствовал Климович.

– Я, Евгений Константинович, пока сюда ехал, всю дорогу успокоиться не могу, – улыбаясь, ответил Михаил фон Коттен. Он пояснил: – Один известный вам человек, рассказал мне о покушении на губернатора Курлова. Боевик своей бомбой аккуратно ему в голову залепил. Пока поднялась суматоха, Курлов сидел на земле и выл как собака. Причитал, что погубили его бомбисты. Потом выяснилось, что у него небольшая ссадина на башке.

Теперь от души хохотали двое – Климович и фон Коттен. Герасимов удивлённо спросил их:

– Что это вы так господа развеселились над несчастным Курловым?

Тогда полковник Климович рассказал эту историю: оказывается их агент (это была Жученко-Гернгросс) сообщила, что боевой организацией эсеров ей поручено доставить в Минск бомбу для убийства губернатора Курлова. Полковник Климович приказал агенту принести бомбу на конспиративную квартиру. Там подполковник фон Коттен, будучи бывшим офицером-артиллеристом, бомбу осмотрел, вынул из неё взрыватель, и вернул агенту. Жученко-Гернгросс отвезла бомбу в Минск. После чего бомба угодила в голову Курлову. Свою задачу Михаил фон Коттен и Евгений Климович считали полностью выполненной – покушение на царского чиновника предотвращено. Ну а если при этом Курлову раз-

били башку, так над этим и посмеяться не грешно.

– Не кажется ли вам господа, что поступок ваш, порочит звание жандармского офицера?! – сухо заметил Герасимов.

– Ничуть, – пожал плечами подполковник фон Коттен, – свой долг мы выполнили, и убийство губернатора предотвратили. А то, что Курлову потом башку разбили, так-то беда не велика, он ей всё равно не пользуется. Голова у него только для того, что бы фуражку носить. Не зря же он службу в гвардии начинал.

Евгений Климович и Михаил фон Коттен дружили с самого детства, с Полоцкого кадетского корпуса. По окончании, которого поступили в Павловское военное училище. Евгений Климович после окончания училища, тянул лямку в пехоте, без протекции и связей, выслужился от командира взвода до обер-офицера батальона. Михаил фон Коттен попал в артиллерию, и также честно тянул лямку, никто его не продвигал по службе. Климович и Коттен недолюбливали гвардейских офицеров, а Курлов, прослужив в гвардии, всем дальнейшим ростом по службе, обязан своим покровителям из конно-гвардейского гренадёрского полка. Именно выходцев из этого полка было больше всего среди сановников Николая II, причём многие из них, такие как Курлов, умом не отличались.

– Сдаётся господа офицеры, у вас потому такое игривое настроение, от того, что наконец-то улеглись беспорядки в Москве, – заметил молчавший до этого Меншиков.

– Да уж поволноваться пришлось, – живо откликнулся Климович, обрадовавшийся перемене темы разговора, – хотя сейчас работы и прибавилось, но она уже по нашей части.

– Вам в Петербурге удалось всё миром разрешить, – подхватил Михаил фон Коттен, – а нам в Москве пришлось артиллерию применять. Теперь говорят, в Сибири большие волнения начались.

– Государь поручил навести порядок на железных дорогах Восточной Сибири генералу Ренекампфу, – сообщил Герасимов.

То, что делал подполковник Риман со своим батальоном на Казанской железной дороге, повторил ещё в больших масштабах генерал Рененкампф. Он с двумя батальонами двинулся из Харбина в Западную Сибирь, расстреливая десятками железнодорожных рабочих на каждой станции. Добравшись до Читы, Рененкампф залил её кровью, после чего порядок на железной дороге в Сибири был восстановлен.

Ренекампфа, Мина и Римана эсеры приговорят к смертной казни. 13 августа 1906 года эсерка Конопляникова на железнодорожной платформе Петергофа застрелит генерал-майора Мина на глазах жены и дочери.

30 октября 1906 года эсер Коршун бросит бомбу под ноги генералу Рененкампфу, его адъютанту капитану Берту и сопровождавшему их поручику Гайзлеру. Однако заряд бомбы оказался мал, и все трое были лишь слегка контужены.

На Римана эсеры так же пытались совершить покушение.

5 августа 1906 года боевик Яковлев пришёл на квартиру Римана, назвавшись князем Друцким-Соколинским. Полковника не оказалось дома. Яковлев ушёл, сказав, что придёт попозже. Жена Римана заподозрила неладное, и вызвала полицию. Когда Яковлев пришёл во второй раз, полиция арестовала его в подъезде дома Римана.

Когда был убит командир Семёновского полка генерал-майор Мин, Николай Риман решил не искушать судьбу. Он уволился со службы и уехал в Германию. Обратного в Россию Риман вернётся в 1908 году, восстановится на службе, а Николай II назначит его командиром 91-го Двинского пехотного полка. В марте 1917 года, он с женой попытается бежать за границу, будет арестован в финском городишке Торнео. Римана доставят в Петербург и посадят в Петропавловскую крепость, где он просидит до Октябрьской революции. После чего его расстреляют большевики.

Генерал Рененкампф после отречения Николая II в феврале 1917 года будет арестован. Однако Чрезвычайная следственная комиссия не соберёт материала для суда над ним. Перед самым Октябрьским переворотом (или революцией, кому как нравится), Рененкампф будет отпущен. Он уедет в Таганрог и будет жить под видом мещанина Смоковникова. Когда в городе к власти придут большевики, Рененкампф сможет раздобыть греческий паспорт на фамилию Мандукакиса. Однако его опознают, и бывший генерал Рененкампф будет арестован.

Верховный главнокомандующий советскими войсками юга России Антонов-Овсеенко предложит Рененкампфу выбор – быть расстрелянным за репрессии 1906 года в Сибири, либо принять командование над разрозненными отрядами красной армии. Генерал от сотрудничества с большевиками откажется, а к Таганрогу подходили германские части. 3 марта 1918 года Ренекампф будет расстрелян. Однако дорогой читатель мы забежали далеко вперёд, давай вернёмся в январь 1906 года, в Москву.

Вернувшись в свой гостиничный номер, Леонид Петрович Менщиков стал писать письмо. Следовало приступить к делу, ради которого он и приехал в Москву. По агентурной информации, Менщиков знал, что осенью 1905 года в Москву из-за границы приехал Владимир Бурцев.

В молодости Бурцев связался с народовольцами⁵¹, за что был арестован и отбывал ссылку в Сибири. Потом Бурцев уехал во Францию. В 1890 году в Париже он привлекался к суду по «делу о бомбах», которое организовал некий Гекельман-Лензен. Владимир Бурцев смог доказать свою непричастность к этому делу. Затем он провёл собственное расследование, и установил, что Гекельман-Лензен, спровоцировавший всю эту шумиху с бомбами, которые якобы в Париже делали русские революционеры, имел другую фамилию. Это был агент зарубежного отделения Департамента поли-

⁵¹ Народовольцы – члены революционной организации «Народная воля» созданной в России осенью 1878 года.

ции Российской империи Аркадий Гартинг. Провокацию с бомбами, Гартинг задумал для того, что бы отчитаться перед Департаментом полиции об эффективности своей работы.

После скандала в Париже, Гардинг осел в Берлине, а Бурцев сблизился с эсерами. Осенью 1905 года, когда после царского манифеста от 17 октября, когда в России сделали послабления для тех, кто ранее был осуждён по политическим делам, Бурцев вернулся в Москву. Он организовал журнал «Былое». Менщиков рассчитывал с помощью Бурцева продавать эсерам сведения о тайных агентах полиции в рядах партии эсеров. На следующий год Леонид Петрович Менщиков должен был уйти на пенсию, а она у коллежского асессора⁵² не такая уж и большая.

Ввиду того, что дело, которым он решил заняться, по уголовному уложению Российской империи считается государственной изменой, то действовать следует крайне осторожно. Для Бурцева, Леонид Петрович решил остаться инкогнито. Первую встречу с Бурцевым Менщиков решил провести в Москве.

Глава 4

«Я ждал, что сумею широкой литературной пропагандой бороться с провокациями. Но на деле следующие годы были тяжёлыми, потому, что я шёл не проторенными дорогами,

⁵² Коллежский асессор – гражданский чин VIII класса, в соответствии Табели о рангах, соответствует капитану в пехоте и ротмистру в кавалерии или у жандармов.

и был против всяких компромиссов направо и налево».

Владимир Львович Бурцев.

Февраль – апрель 1906 года.

Статья Бурцева в журнале «Былое», среди русских революционеров в Женеве вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Бурцев утверждал, что в руководстве эсеров находится человек, являющийся тайным осведомителем Департамента полиции. Кто этот человек Бурцев не указал, сообщил лишь, что в Охранке он значится под псевдонимом Раскин.

Бурцев сообщал, что по доносу провокатора Раскина, полиция в Петербурге в марте 1905 года арестовала шестнадцать боевиков из группы Николая Тютчева, готовивших покушение на генерала Трепова. В Москве, Раскин выдал Дору Бриллиант, которая изготавливала бомбы для группы Тютчева в Петербурге и группы Бориса Савинкова в Москве. Причём группа Савинкова смогла провести казнь великого князя Сергея Александровича, из всей группы, была арестована только Дора Бриллиант. Под подозрение в провокаторстве попали двое – Борис Савинков и Евно Фишлевич Азеф.

Азеф являлся руководителем Боёвки – боевой организации партии социалистов-революционеров, которая и проводит все террористические акты. Он достаточно много знал, являлся членом ЦК партии эсеров. Борис Савинков был его заместителем в Боёвке, так же человек очень осведомлённый.

ЦК партии эсеров собрался на квартире Леонида Шиш-

ко на улице Розря в Женеве. Квартира Шишко состояла из трёх комнат и являлась штабом партии эсеров. Здесь готовили шифровки в партийные организации России, сюда же поступала вся информация с мест. От Боёвки на заседание ЦК кроме Азефа был приглашён Борис Савинков. Начал заседание Михаил Гоц. Из-за злокачественной опухоли спинного мозга, Михаил практически не вставал с постели, но узнав, какой вопрос будет обсуждаться на ЦК, потребовал от младшего брата Абрама, (так же члена партии эсеров), доставить его на квартиру Шишко.

– Товарищи, – начал Михаил Гоц, – повод по которому собрался ЦК партии, печален – обвинение в провокаторстве одного из наших товарищей. Это тяжкое обвинение.

– Михаил Рафаэлович, давай обойдёмся без патетики, не тот случай, – предложил Виктор Чернов. Именно Михаил Гоц и Виктор Чернов создали партию эсеров. Чернов продолжал: – Нам надлежит здесь, и сейчас проанализировать статью Бурцева и сделать все необходимые выводы.

Евно Азеф, прочитав статью Бурцева, сообразил, что речь идёт о нём. Если это поймёт кто-либо ещё в руководстве партии эсеров, то жить ему осталось недолго. Первым его побуждением было бежать из Женевы. Однако успокоившись, он взял в руки карандаш и внимательно стал изучать статью Бурцева. Тот не назвал имени информатора полиции, а лишь псевдоним – Раскин. Доказательств того, что Раскин входил в руководство партии эсеров, Бурцев не привёл.

– Виктор Михайлович, ты совершенно прав говоря о том, что мы не должны поддаваться эмоциям, – заметил Азеф, – однако уже сейчас видно, что весь ЦК на эмоциях. На основании одной только статьи, вы пытаетесь обвинить одного из нас.

Азеф указал рукой на Савинкова и себя:

– Но вы совершенно упускаете из виду, возможную цель написания этой статьи.

– Да, да! – подхватил Савинков. Он вскочил с кресла и горячо заговорил: – Возможно это проделки Охранки, что бы посеять вражду и недоверие в наших рядах. Бурцев может быть слепым орудием в руках Охранки.

– Борис ты слишком горячишься, – усмехнулся Азеф. Он указал рукой на кресло: – Сядь на место, и не скачи, словно заводной.

Когда Савенков уселся в своё кресло, Азеф продолжил:

– Не мешало бы вначале хорошенько расспросить Бурцева, а уже потом делать выводы.

– Спросим, – кивнул Чернов. Он посмотрел на Шишко: – Леонид Эммануилович.

Тот встал и вышел из комнаты. Вернулся он с седовласым господином в пенсне и с бородкой клинышком, которые любили носить профессора и литераторы.

– Владимир Львович Бурцев, – представил его Шишко. Он указал рукой на свободное кресло: – Присаживайтесь.

– Ну, вот Евгений Фёдорович, мы и выполнили ваше по-

желание, – усмехнулась Екатерина Бреш-Брешковская. Она была здесь самой старшей. В партии её звали «бабушка русского террора». Террором Бреш-Брешковская занималась ещё сорок лет назад в организации «Народная воля». По какой-то непонятной причине, «бабушка русского террора» не любила Азефа.

«Старая мымра, сейчас будет наверняка стараться утопить меня!» – со злостью подумал Азеф. Он с равнодушным видом достал портсигар и закурил папиросу.

– Владимир Львович, голубчик, поделитесь, пожалуйста, с нами, откуда вы взяли сведения, которые привели в вашей статье? – спросила Бреш-Брешковская.

– В Москве на меня вышел человек и дал те данные, которые я привёл в статье, – ответил Бурцев.

– Он назвал себя? – спросил Михаил Гоц.

– Нет, – покачал головой Бурцев.

– Пояснил, каким образом ему стали известны эти сведения? – спросил Савинков.

– Да, – кивнул Бурцев. Он пристально посмотрел в глаза Савинкову: – Сказал, что он всего лишь посредник. Его друг служит в Департаменте полиции и готов за определённую плату поставлять сведения о провокаторах полиции в рядах партии эсеров.

– Но другую, более конкретную информацию, чем ту, что вы указали в статье о провокаторе Раскине, он дал вам? – спросил Азеф.

Теперь Бурцев пристально смотрел в глаза Азефу, но тот выдержал его взгляд, а Владимир Львович ответил:

– Нет, он рассказал мне только то, о чём я написал в статье

Ох и не нравился Евно Фишлевичу взгляд Бурцева. Азеф с ужасом начал осознавать, что тот подозревает именно его, от чего Евно Фишлевич терял контроль над собой.

– Этот инкогнито из полиции конкретного описания Раскина не даёт, поскольку тот считается в Охранке ценным агентом. На связь с ним выходит только директор Департамента полиции. Мой информатор об этом человеке может судить только по донесениям, которые со слов агента составляют чины полиции, – сказал Бурцев.

– То есть вы хотите сказать, что ваш информатор не имеет ни малейшего представления, кто этот самый Раскин? – спросил Чернов.

– Думаю, нет смысла далее утомлять расспросами Владимира Львовича, – предложил Азеф.

– Пожалуй, – согласился Михаил Гоц.

Бурцев встал, поклонился и сказал:

– Честь имею! – после чего вышел из комнаты.

– Абрам, – обратился Михаил Гоц к брату, – проводи нашего гостя.

Сидя в одном из многочисленных кафе на улице Ля Каруж, Бурцев анализировал весь разговор с членами ЦК партии эсеров, и не мог отделаться от ощущения, что агент Раскин – это Евно Азеф.

«Нужно ещё раз встретиться с этим человеком, – решил Бурцев, думая о своём информаторе, – я увеличу его гонорар и думаю, он будет более разговорчив со мной».

После публикации статьи о провокаторе полиции в руководстве партии эсеров, тираж журнала «Былое» разлетелся моментально, пришлось ещё допечатывать, так что с деньгами теперь у Бурцева проблем не было. Он отправился на вокзал покупать билет в Москву.

Пока Бурцев пил кофе на улице Ля Каруж, на квартире Шишко шли бурные обсуждения.

– Не кажется ли вам товарищи, что мы делаем одну ошибку? – спросил Азеф.

– Какую ошибку? – посмотрел на него Михаил Гоц.

– Мы всё время упираем на то, что провокатор Охранки в руководстве нашей партии, – продолжил Азеф, – однако ничто не указывает на это. Предлагаю рассмотреть обе кандидатуры на роль провокаторов.

Азеф указал на себя и на Бориса Савинкова, продолжил:

– Отправляя боевиков в Россию, я держал связь с группами Тютчева и Савинкова через Прасковью Ивановскую. Если она по моему доносу была арестована полицией и пошла на сотрудничество, то сдать она могла лишь Николая Тютчева и Бориса Савинкова. Между тем, в Петербурге была арестована вся группа Николая Тютчева, а в Москве только Дора Бриллиант, и никто из группы Савинкова не арестован. Это говорит об одном.

– О чём? – спросила Бреш-Брешковская.

– Провокатор был в группе Тютчева, причём такой, который был на связи у всей группы. Таких двое, это Татьяна Леонтьева, у которой был цветочный магазин использовавшийся группой Тютчева как «почтовый ящик» и связной всей группы Николай Татаров. Причём Леонтьева ещё работала тогда, когда в Петербурге группой руководил Максимилиан Швейцер. Арестовали всю группу, когда после гибели Швейцера, группу возглавил Тютчев. Именно он привлёк к работе Николая Татарова, после чего последовал арест группы.

– А почему вы не допускаете, что провокатором не мог быть сам Тютчев?! – спросил Чернов.

– Исключено! – воскликнул Савинков. Он посмотрел на Чернова и спокойно продолжил: – Ещё при Швейцере было заведено, что руководитель не поддерживает связь с боевиками напрямую. Всё через связного. Николай Тютчев, возглавив группу, всё оставил без изменений.

– Тютчев теперь в Женеве и его можно опросить по факту ареста его группы, – заметил Михаил Гоц.

– Мы так и сделаем, – пообещал Чернов.

– Что касается провала Доры Бриллиант, – продолжил Савинков, – о её мастерской знали я и двое её охранников Адмирал⁵³ и Борис Вноровский. Однако Борис контактировал с Иваном Каляевым. Окажись он провокатором, то по-

⁵³ Адмирал – псевдоним боевика Льва Ивановича Зильберберга (1880-1907).

лиция смогла бы арестовать всю нашу группу, и предотвратить убийство великого князя Сергея Александровича. В то что провокатор Адмирал, тоже не верится.

– Тогда остаёшься только ты, – усмехнулся Азеф. Он откинулся на спинку кресла: – не кажется ли вам, что полиция случайно вышла на мастерскую Доры Бриллиант. Производство динамита требует много химикатов, а они издают резкий запах.

Азеф развёл руками и закончил:

– Кто-то донёс в полицию.

– Да, вероятно всё так и было, – согласился Борис Савинков. Он совершенно забыл, что сам назвал Евно Азефу адрес динамитной мастерской Доры Бриллиант.

– Следовательно, нам необходимо побеседовать с Николаем Татаровым, – кивнула Екатерина Бреш-Брешковская. Она посмотрела на Азефа и Савинкова: – Думаю, вам двоим необходимо разобраться с этим делом.

– Зачем двоим? – пожал плечами Азеф. Он посмотрел на Савинкова: – Борис, где сейчас Татаров?

– После освобождения по указу от 17 октября, он остался в Петербурге, – ответил Савинков.

– Ты всё равно едешь в Петербург, займись и Николаем Татаровым, – сказал Азеф. Евно Фишлевич развёл руками: – Всё сходится на Николае Татарове. Вероятно, он и есть тот провокатор, на которого в своей статье указывал Бурцев.

Первого марта Борис Савинков приехал в Петербург с боевиком Фёдором Назаровым. В октябре 1905 года они вместе в Нижнем Новгороде готовили покушение на губернатора Павла Унтерберга. Покушение сорвалось по той причине, что неожиданно Унтерберг получил назначение на Дальний Восток и уехал из Нижнего Новгорода. Именно тогда Фёдор Назаров, один из боевиков нижегородской боевой дружины, своей сообразительностью, обратил на себя внимание Бориса Савинкова.

Борис Савинков разыскал Николая Татарова и назначил ему встречу в ресторане «Зоологического сада» в Александровском парке, что неподалёку от Петропавловской крепости. Савинков и Назаров пришли в ресторан порознь, Фёдор направился в буфетную комнату, уселся у стойки и заказал себе бокал вина. Савинков разместился за столиком в общем зале. Он был хорошо виден Назарову из буфетной комнаты.

Татаров появился, едва официант накрыл стол Савинкова. Фёдор со своего места хорошо разглядел Татарова, (он не был знаком с ним). Спустя сорок минут Николай Татаров ушёл, а Назаров со своим бокалом вина, сел за столик к Савинкову.

– Он занервничал, когда я его спросил, как ему удалось сократить срок своей ссылки и приехать в Петербург в конце 1904 года, – сообщил Савинков. Он выпил рюмку водки, и продолжил: – Теперь уже совершенно точно, провокатор полиции, о котором в своей статье писал Бурцев, это Татаров.

– Что ты собираешься делать? – спросил Назаров.

– Предателей карают смертью, – ответил Борис Савинков, поедая салат оливье. Он посмотрел на Фёдора Назарова: – Ты согласен со мной?

– Вполне, – кивнул Назаров и допил своё вино.

– Свяжись с Пинхусом Ротенбергом, – продолжил Савинков. Он отставил пустую тарелку из-под салата: – Пусть он снимет дачу где-то в Сиверской или в Озерках.

– Я всё понял, – ответил Фёдор Назаров. Он встал и направился к гардеробной.

Николай Татаров, возвращаясь к себе на квартиру, думал о том, что он излишне нервничал при разговоре с Савинковым.

«Борис наверняка решил, что провокатор, о котором упоминал Бурцев в своей статье, это я», – размышлял он. Татаров оглянулся, пытаясь определить, не следят ли за ним?

«Но Бурцев писал, что провокатор входит в руководство партии, – продолжал он размышлять. Татаров горько усмехнулся: – Кто сейчас будет задумываться над этим?! Моя нервозность выдала меня с головой!»

Он оглянулся ещё раз, проверяя, не ли слежки.

«Бежать! Немедленно уезжать из Петербурга в Киев. Спрячусь у родителей, меня никто не найдёт».

Николай Татаров так обрадовался простоте решения, что совершенно забыл, как однажды сказал Николаю Тютчеву, что его отец служит священником в Киеве.

– Мил человек, не подсказжешь который час? – отвлѣк Татарова от мыслей чей-то голос. Николай оглянулся, сбоку от него стоял невысокий, длинноволосый человек в пальто и шляпе. Лицо его показалась Николаю знакомым.

«Где я его видел?» – подумал он, доставая часы из кармана.

– Четверть третьего, – ответил Татаров и пошѣл своей дорогой.

Николай был слишком озабочен своими мыслями, иначе бы он сразу узнал в этом длинноволосом типе Георгия Гапона – человеку благодаря которому и началась первая русская революция. После неудачной попытки ввезти партию оружия в Россию в августе 1905 года, Гапон уехал в Монте-Карло, и несколько месяцев жил там со своей гражданской женой Сашенькой Уздалёвой.

В 1902 году Георгий Гапон, ещё будучи священником, преподавал Слово Божие воспитанницам приюта Синего Креста в Петербурге. Там он соблазнил шестнадцатилетнюю Сашеньку Уздалёву. Когда это вскрылось, разразился большой скандал, и запахло лишением сана. На выручку Гапону пришѣл тогда ещё только что назначенный заведующим Особым отделом Департамента полиции Сергей Зубатов. В обмен на сотрудничество с полицией, Зубатов добился у Петербургского митрополита Антония прощения отцу Гапону. Ему даже разрешено было жить с Сашенькой Уздалёвой в гражданском браке. Когда Сашеньке в 1904 году исполни-

лось восемнадцать лет, события закрутились с такой стремительностью, что им с Гапоном было уже не до венчания.

Осенью 1905 года Сергей Юльевич Витте был назначен председателем Совета министров Российской империи. Он добился от царя, напуганного революцией, широких полномочий для себя. Витте понимал, что революцию в России спровоцировал Георгий Гапон со своей идеей подать петицию царю, 9 января 1905 года. Именно расстрел этого шествия рабочих Петербурга, вызвал революцию в России. Не забыл Витте и своих бесед с заведующим Особого отдела Департамента полиции Зубатовым, по поводу легальных рабочих организаций. Тогда в 1903 году Витте был не согласен с Зубатовым, но в конце 1905 года он понял, что тот был прав. Легальная рабочая организация в России нужна, и лидером её должен быть человек далёкий от революционных партий, но которого бы уважали рабочие. Витте вспомнил о Георгии Гапоне.

Свои идеи о легальной рабочей организации, Витте обсуждал с вице-директором Департамента полиции Петром Рачковским. Тот направил в Монте-Карло к Гапону, сотрудника Заграничной агентуры Департамента полиции Ивана Фёдоровича Манусевича-Мануйлова. Через него Витте передал предложение Гапону – вернуться в Россию и начать создавать организацию рабочих. На эти цели Витте выделил Гапону тридцать тысяч рублей из специального правительственного фонда.

В январе 1906 года Гапон вернулся в Петербург и стал возрождать свою организация «Собрание фабрично-заводских рабочих». При этом Гапон держал постоянный контакт с Петром Рачковским. Гапон весьма преуспел в организации своего «Собрания». В Петербурге среди рабочих оно вновь стало набирать популярность. При этом Георгий Гапон перед рабочими ставил одно условие – никаких контактов с революционными партиями. Социал-демократов (большевики и меньшевики) и эсеров это не устраивало, но поделаться они с Гапоном ничего не могли, тот был очень популярен среди рабочих.

Пока Гапон организовывал своё «Собрание» в Петербурге, в Женеве на контакт с руководителем Заграничной агентуры Департамента полиции Аркадием Гартингом вышел Евно Азеф и передал, что ЦК партии эсеров приняло решение убить министра МВД Пётра Дурново. Передав это сообщение, Азеф исчез из Женевы. На контакт он больше не выходил.

Дурново, узнав о готовящемся на него покушении, занервничал и вызвал к себе вице-директора Департамента полиции Рачковского, начальника Петербургского охранного отделения полиции полковника Герасимова. Он потребовал от них обнаружить и арестовать боевиков, готовящих на него покушение. Однако ни Герасимов, ни Рачковский никакими сведениями об этой группе не располагали. Николай Татаров ничего пояснить не мог, а других информаторов среди

эсеров у них не было. Вот тогда-то Рачковскому и пришла мысль сделать информатором в среде эсеров Георгия Гапона. Пётр Рачковский знал о дружбе Георгия Гапона с эсером Пинхусом Ротенбергом. Он решил строить свою комбинацию на этом. Рачковский назначил Гапону встречу на конспиративной квартире, на Каменноостровском проспекте. На эту встречу и спешил Георгий Гапон.

– Георгий Аполлонович, положение очень серьёзное, – без обиняков начал Рачковский, – эсеры направили в Петербург группу бомбистов для убийства министра Дурново. Мы не можем позволить им совершить это!

– Я-то здесь причём?! – удивился Гапон.

– Георгий Аполлонович, мы осведомлены о том, каким влиянием вы пользуетесь у эсеров. Помогите нам предотвратить убийство Дурново!

– Иными словами, вы предлагаете мне стать вашим агентом? – усмехнулся Гапон.

– Пётр Николаевич Дурново будет вам признателен за помощь оказанную полиции в этом деле, – ответил Рачковский.

«А с Дурново можно сейчас денег слупить!» – усмехнулся про себя Гапон.

Его «Собрание» испытывало трудности. Из переданных Манусевичем-Мануйловым тридцати тысяч рублей, Георгий Гапон себе оставил семь тысяч на жизнь, а двадцать три тысячи передал кассиру «Собрания» Ивану Матюшенскому, а тот благополучно сбежал с деньгами. Теперь на нужды со-

брания Гапон вынужден был тратить оставшиеся семь тысяч рублей. Денег не хватало.

– Пётр Иванович, я готов помочь вам, но не бескорыстно, – ответил Гапон, – я могу повлиять на одного из знакомых мне эсеров, и он пойдёт на сотрудничество с вами, поможет вам спасти Дурново. Но ему нужно будет заплатить.

– О ком вы ведёте речь?

– Пинхус Ротенберг, – ответил Гапон, – он большой человек в партии эсеров.

– Сколько вы просите за свою услугу?

– Пятьдесят тысяч мне на мою организацию, и пятьдесят тысяч Ротенбергу, – назвал сумму Гапон.

– Двадцать пять тысяч обоим, и не копейки больше, – заявил Рачковский

– Вы ломаете цену как барышник за лошадь, – усмехнулся Гапон, – однако забыли, что речь идёт о жизни министра МВД. Хорошо, раз не сошлись в цене, значит, разговора не было.

Гапон встал и направился в прихожую.

– Одну минуточку Георгий Аполлонович, – останови его Рачковский, – мне нужно позвонить по телефону.

Пётр Рачковский вышел в соседнюю комнату, там был телефонный аппарат. Он позвонил Витте и назвал сумму Гапона. Сергей Юльевич порекомендовал Рачковскому не торговаться с Гапоном.

– Пусть начинает беседу с Ротенбергом, – говорил Вит-

те, – там поглядим на результат.

В это же время в кабинете министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново находился полковник Герасимов. Зазвонил телефон, Дурново взял трубку, это был Витте, он передал министру МВД о разговоре Рачковского с Гапоном. Пётр Николаевич в свою очередь рассказал Герасимову.

– Каково ваше мнение Александр Васильевич обо всём этом? – спросил жандармского полковника министр.

– Ваше высокопревосходительство, мне не доводилось лично беседовать с Гапоном, – ответил Герасимов, – судить о нём я могу только по донесениям агентуры, а это вещь субъективная. Однако, я лично знаком с Пинхусом Ротенбергом. Это убеждённый революционер и вряд ли он пойдёт на предательство. Из донесений агентуры, мне известно, что кассир Гапона некий Иван Матюшенский сбежал вместе с деньгами организации Гапона. Боюсь как бы Гапон, получив деньги от Рачковского, не сбежал бы следом за своим кассиром.

Дурново в задумчивости шагал по своему кабинету.

– Александр Васильевич, переговорите с Гапоном в присутствии Рачковского, после чего ещё раз выскажите мне своё мнение. Тогда и решим относительно денег, – сказал министр.

На следующий день Гапон, Рачковский и Герасимов встретились в кафе «Де Пари» на Невском проспекте. Рачковский для разговора снял отдельный кабинет и заказал

изысканные закуски. Герасимов видел Гапона год назад, когда тот ещё был священником.

«Костюм не только красит человека, но может его изуродовать, – усмехнулся жандармский полковник, – в рясе Гапон выглядел истинным пастырем душ человеческих, а теперь какой-то фигляр».

Был Гапон в дорогом костюме, но при этом имел потасканный вид – мятый пиджак и грязный воротничок рубашки, волосы растрёпаны и торчат в разные стороны, словно никогда не знали расчёски. Как говорится: «Встречают по одежке...», потому всё сказанное Гапоном полковник Герасимов воспринял критически, и не поверил ни одному его слову.

В 23.00 он, распрощавшись с Гапоном и Рачковским, отправился на Фонтанку в Департамент полиции, в этом здании была также квартира министра МВД Дурново. Пётр Николаевич пригласил его в свой домашний кабинет..

– Гапон не принесёт нам никакой пользы, – заявил Герасимов, – нет необходимости платить ему деньги

– Хорошо, – задумчиво ответил Дурново, – в этом деле не будем доверяться Гапону.

Однако утром следующего дня на приём к министру МВД пришёл Пётр Рачковский, и убедил его что Гапон сможет завербовать Пинхуса Ротенберга.

Савинков и Фёдор Назаров приехали в Петербург не для того что бы разобраться с Николаем Татаровым. Основной

их задачей была подготовка убийства министра внутренних дел Дурново. В Петербурге к ним присоединились – Владимир Зензинов, который в декабре 1905 года участвовал в восстании в Москве, а после его подавления перебрался в Петербург. Зензинов привёл в группу Сергея Ильинского, тот входил в Москве в боевую дружину эсеров, базировавшуюся в Фидлеровском училище. При разгроме этой дружины Ильинский был арестован и два месяца просидел в Бутырской тюрьме. Так как во время ареста оружия при нём обнаружено не было, через два месяца он был отпущен. После освобождения Ильинский перебрался в Петербург, где и повстречал Зинзинова. К группе присоединился Адмирал (Лев Зильберберг), который привёл с собой Ивана Двойникова, Евгения Кудрявцева и Рашель Лурье по кличке Катя. Группа тотчас же начала наблюдение за Дурново по уже отработанной схеме – стали извозчиками, газетчиками, посыльными и папиросниками. В этот раз динамитную мастерскую решили организовать в Гельсингфорсе⁵⁴. Финляндия хоть и входила в состав Российской империи, но финская полиция смотрела сквозь пальцы на деятельность русских революционеров. Они ничего не сообщали своим русским коллегам про русских революционеров в Финляндии.

В Гельсингфорсе жил эсер-боевик Борис Моисеенко по кличке Опанас. Он в 1905 году он был в группе Савинкова, когда готовили покушение на великого князя Сергея Алек-

⁵⁴ Гельсингфорс – ныне город Хельсинки.

сандровича. В марте 1905 года по доносу Зинаиды Жученко-Гернгросс, Опанас был арестован, однако следствию не удалось доказать его причастность к убийству великого князя Сергея Александровича. Просидев полгода в Бутырке, Борис Моисеенко-Опанас 21 октября 1905 года был амнистирован по Манифесту царя от 17 октября 1905 года. Моисеенко вместе со своей женой Марией Беневской (партийная кличка Генриетта), поселились в Гельсингфорсе. В январе к ним приехал член Боёвки эсеров по кличке Семён Семёнович⁵⁵. Мария Беневская в 1905 году обучалась в Париже, в мастерской Биллита, изготовлению бомб. Именно по этой причине Семён Семёнович приехал к Опанасу и Генриетте. Они должны были организовать динамитную мастерскую. Фёдора Назарова Савинков в слежке за Дурново не задействовал, а держал в резерве.

Пятого марта Пинхус Ротенберг сообщил Савинкову, что он снял дачу у вдовы Звержинской.

– Отличное место, – улыбнулся Ротенберг, – дача стоит на отшибе, на углу улиц Ольгинская и Варварьинская в Озёрках⁵⁶.

– Что ты сказал хозяйке? Для чего тебе дача в марте месяце? – спросил Азеф. Он как раз в этот день приехал в Петер-

⁵⁵ Департаменту полиции и не удалось установить его личность. Он так и вошёл под своим псевдонимом в историю революционного движения России.

⁵⁶ С 1963 года этот посёлок включён в городскую черту Ленинграда. В настоящий момент это один из микрорайонов Санкт-Петербурга.

бург и посетил Савинкова на его конспиративной квартире.

– Обычное дело, – развёл руками Пинхус, – ближе к лету дачу не найдёшь. Многие снимают в марте дачи на лето. Пока я плачу за неё двадцать рублей в месяц, потом цена вырастет.

– До лета нам дача не понадобится, – рассмеялся Савинков, – так что ты Пинхус не слишком потратишься. Завтра ты покажешь дачу Фёдору. Она нам нужна будет через два дня.

Выпроводив из своей конспиративной квартиры Пинхуса Ротенберга и Евно Азефа, Борис Савинков отправился в Заячий переулок, где снимал квартиру Николай Татаров. Всю дорогу он обдумывал, под каким предлогом выманить Татарова в Озерки. Однако врать не пришлось, квартирная хозяйка сообщила, что Татаров позавчера съехал из квартиры. Савинков отправился на Малую Луговую улицу, где снял квартиру Евно Азеф, сообщил ему, что Николай Татаров исчез. Азеф тотчас же пошёл на телеграф и дал телеграмму Шишко в Женеву: « Наш племянник уехал. Адреса не оставил ».

Через два дня в Петербург приехал Борис Моисеенко. Он сообщил, что пришли данные из Женевы – отца Николая Татарова зовут Юрий. Он священник в одной из церквей в Киева.

– Поедешь в Киев, – сказал Савинков Фёдору Назарову, – обойдёшь там все церкви. Найдёшь священника Юрия Тата-

рова

– Скорее всего его зовут отец Георгий, – предположил Назаров. Он рассмеялся: – Церквей в Киеве много, но разыскать там священника плёвое дело.

Однако в Киеве Фёдору Назарову потребовалось десять дней, чтобы установить адрес священника отца Георгия Татарова. После чего Фёдор отправился на железнодорожный вокзал и взял билет до Петербурга на 21 марта. Он решил убить Николая Татарова именно в этот день. Назаров уже точно знал, что тот живёт в квартире родителей.

В десять часов утра Назаров подошёл к дому, где жили Татаровы, и вошёл в подъезд.

– Куда идёте господин? – спросил его швейцар.

Отец Георгий Татаров жил в пятой квартире, потому Фёдор сказал:

– В шестую квартиру.

– А, к протоиерею Гусеву, – кивнул швейцар.

– Да, к нему, – кивнул Фёдор и стал подниматься по лестнице. Назаров оглянулся и увидел, что швейцар вышел на улицу.

Подойдя к двери, Фёдор позвонил. Дверь открыла седая женщина лет пятидесяти.

– Вам кого сударь? – спросила она.

– Можно увидеть Николая Юрьевича? – улыбаясь, спросил Назаров.

– Зачем он вам?! – тревожно спросила женщина.

– У меня к нему дело чрезвычайной важности, – всё по прежнему мило улыбаясь, ответил Фёдор. Он осторожно, бочком протиснулся в прихожую: – А вы вероятно матушка Николая?

В прихожую вошёл невысокого роста, длинноволосый, седой мужчина. Это был священник отец Георгий. Впрочем, сейчас он был в косоворотке и домашних туфлях.

– Вам кого сударь? – спросил отец Георгий.

– Мне Николая Юрьевича, – ответил Фёдор Назаров.

– Его видеть нельзя, – ответил священник.

В этот момент в прихожую вышел Николай Татаров. Назаров вытащил из кармана пальто револьвер, но отец Георгий схватил его за руку.

– Что вы делаете сударь?! – заорал священник.

Не ожидавший такой прыти от старого священника, Фёдор Назаров нечаянно нажал на курок и грохнул выстрел, пуля ушла в пол.

– Убивают! – закричала мать Татарова и вцепилась в левую руку Фёдора.

В это время Николай Татаров бросился на помощь отцу и вцепился в правую руку Назарова.

«Вот чёрт, сейчас свалят с ног, тут и повяжет полиция!» – в отчаянии думал Назаров, пытаясь, освободится от повиснувшего на нём семейства Татаровых. Пока отец и сын вырывали револьвер у Фёдора, он ещё два раза выстрелил, и пули опять ушли в пол. Однако эти выстрелы напугали мать

Татарова, и она слегка ослабила хватку, этого Фёдору хватило, что бы освободить от неё левую руку. Он ударил кулаком левой руки женщину в лицо, она упала на пол. Фёдор левой рукой вынул из кармана пальто нож, и вонзил его в Николая Татарова. Удар пришёлся точно в сердце и на пол Николай Татаров падал уже мёртвым. Фёдор отшвырнул от себя священника, навёл на него револьвер и сказал:

– Лежи тихо поп, а то пристрелю!

Священник в страхе закрыл руками голову, вероятно Назаров сильно ударил женщину, она, охая, пыталась подняться, но не могла. Фёдор нагнулся к Николаю Татарову, посмотрел на него.

«Кажется, готов!» – подумал Назаров. Из нагрудного кармана пальто он достал записку, в которой большими печатными буквами было написано: «Б.О.П.С-Р». ⁵⁷ Он сунул записку в карман брюк Татарова, и быстро покинул квартиру священника. Швейцар в подъезде по-прежнему отсутствовал, и Фёдор незамеченным вышел на улицу.

Родители Николая Татарова вызвали полицию, и её агенты нашли записку в брюках покойного. В четыре часа дня в Департамент полиции поступила телеграмма из Киевского охранного отделения полиции, об убийстве Николая Татарова, и что вероятно это дело рук боевиков эсеров. В это время Фёдор Назаров на поезде ехал в Петербург.

Полковник Герасимов находился в кабинете вице-дирек-

⁵⁷ БОПС-Р – боевая организация партии социалистов-революционеров.

тора Департамента полиции Рачковского на Фонтанке, когда дежурный жандармский офицер принёс телеграмму об убийстве в Киеве Николая Татарова.

– Киевское охранное отделение считает, что это дело рук эсеров-боевиков. У покойного была обнаружена записка с буквами «БОПСР», – докладывал дежурный офицер.

– Это ужасно! – вздохнул Рачковский. Он кивнул офицеру, что тот может быть свободным. Офицер, щёлкнув каблучками, вышел. Рачковский сказал после его ухода: – Николай Татаров был ценнейшим нашим агентом. Каким образом революционеры узнали о нём?

– Некий Бурцев выпускает журнал «Былое», – ответил Герасимов, – он написал статью о провокаторах полиции. Вероятно, каким-то образом эсеры связали факты, указанные в этой статье с Николаем Татаровым.

– Вы читали эту статью?

– Да, – кивнул жандармский полковник, – конкретных данных Бурцев не приводил, но некоторые факты наводят на грустные размышления. Господин Бурцев слишком хорошо осведомлён о некоторых аспектах работы Департамента полиции.

– Эка вы, куда хватили сударь! – покачал головой Рачковский.

– Я лишь хочу одного Пётр Иванович, что бы вы уразумели, враг наш коварен и умён, – вздохнул Герасимов, – а вы, слишком слепо доверяете этому попу-расстриге Гапону.

– Вы ещё слишком молоды Александр Васильевич, – улыбнулся Рачковский. Он откинулся на спинку кресла и продолжил: – И потом, вам до конца не известны все аспекты этого дела. Потому вы и судите так опрометчиво..

Рачковский не мог сказать Герасимову, что с помощью Гапона они с Витте планировали создать крупную рабочую организацию, по тому типу, которые в своё время хотел сделать Сергей Зубатов. На своей конспиративной квартире Рачковский устроил встречу Гапона и Витте. Там Гапон заявил, что находясь в эмиграции, он хорошо изучил революционеров. Многих из них можно склонить к сотрудничеству с российским правительством.

Когда Гапон верил в то, что говорил, он становился необычайно харизматичным. Гапон был проповедником по своей натуре, в момент его проповедей люди, попадая под его обаяние, верили ему. Поверил Гапону и Сергей Юльевич Витте, а видя, что Витте верит ему, и сам Гапон искренне уверовал, что сможет склонить Пинхуса Ротенберга, а через него и других эсеров к сотрудничеству с правительством. Вдохновлённый проповедями Гапона, Витте пообещал Рачковскому выделить сто тысяч рублей из секретного правительственного фонда, для Георгия Гапона. Всего этого Рачковский сказать полковнику Герасимову не мог.

Разговор с Петром Рачковским удручающе подействовал на Герасимова. Из департамента полиции он решил идти пешком. Семья Герасимова по-прежнему жила в Харькове, а

сам он в конспиративной квартире, на Итальянской улице, в доходном доме Пентешиной⁵⁸. На противоположной стороне улицы он заметил знакомое лицо.

«Уж, не Пинхус Ротенберг это?» – подумал Герасимов, и на всякий случай прошёл мимо своего дома.

Это был действительно Пинхус Ротенберг, но на Герасимова, шедшего по противоположному тротуару, он не обратил никакого внимания. На Итальянской улице была конспиративная квартира Бориса Савинкова. Пинхус шёл к нему.

– Что случилось? Почему ты пришёл сюда?! – спросил его Борис, пропуская в квартиру.

– Нужно посоветоваться, – сказал Пинхус, снимая пальто.

– Говори.

– Со мной встретился Гапон. Стал нести всякую чушь о непротивлении злу насилием, – сообщил Пинхус.

– А что ты ещё хотел от попа?! – рассмеялся Савинков.

– Это ещё не всё, – ответил Ротенберг, усаживаясь на диван, – он сказал мне, что встречался с Витте, и тот согласен на смягчение позиции правительства. Гапон сказал, что Витте и сам видит необходимость улучшения жизни крестьян и рабочих.

– Как этот поп мог встречаться с самим председателем Совета министров?! – Савинков потёр ладонью лоб.

– Ему оказал в этом содействие вице-директор Департа-

⁵⁸ Доходный дом Пентешиной на Итальянской улице – в современном Санкт-Петербурге дом № 15 по Итальянской улице.

мента полиции Пётр Рачковский, – ответил Пинхус Ротенберг, – он обещает выделить на нужды нашей партии пятьдесят тысяч рублей, если мы откажемся от террора, и возьмёмся за легальные методы борьбы.

Борис Савинков заходил по комнате. После подавления восстания в Москве, разгрома Советов народных депутатов в Петербурге и других городах России, многие в партии эсеров стали говорить об отказе от террора, и переходе на легальные методы борьбы. Если сам Витте, через посредничество Гапона предлагает сотрудничество партии эсеров с правительством, то в партии за этим попом многие пойдут. Савинков знал, как Гапон умеет убеждать. Он может нанести их Боёвке гораздо больший вред, чем Охранка и жандармы.

– Ты говоришь, Гапон тебе пятьдесят тысяч предлагал? – задумчиво спросил Савинков.

– Не мне, – покачал головой Пинхус, – понимаешь...

– Именно так нужно понимать его предложение! – прервал Савинков. Он подошёл к Пинхусу, глядя ему в глаза сказал: – Этот фарисей предложил тебе тридцать сребреников за предательство Пинхус. Пятьдесят тысяч рублей за то, что бы ты стал провокатором полиции и начал предавать своих товарищей.

– Ты считаешь меня способным на предательство?! – Пинхус Ротенберг вскочил на ноги.

– Сядь! – толкнул его на диван Савинков. Пинхус упал на диван, Савинков сел рядом: – Я не сомневаюсь в твоей поря-

дочности, иначе ты не рассказал бы мне о предложении Гапона, просто взял бы деньги и начал предавать. Дело тут не в тебе, а в том, что Гапон пошёл на сотрудничество с Охранкой, и нашему делу он нанесёт огромный вред.

Савинков улыбнулся и спросил:

– Ты за дачу в Озерках на месяц вперёд заплатил? – Ротенберг кивнул. Савинков, немного подумав, продолжил: – Мы её для Кострова⁵⁹ приготовили, да вот не пригодилась. Используем дачу для Гапона. Через несколько дней ты свяжешься с ним, и скажешь, что всё это время думал над его предложением. согласишься пойти на сотрудничество с полицией, но потребуй у Гапона, что бы он организовал твою встречу с Рачковским. Всё иди, и сюда больше не приходи. Связь через Катю.

Катя (Рашель Лурье) открыла цветочный магазин на Невском проспекте, и боевики группы Савинкова использовали его в качестве «почтового ящика». Двадцать шестого марта Пинхус Ротенберг пришёл на квартиру Гапона в Териоках⁶⁰ и сказал, что он согласен принять его предложение. Однако требуется всё обсудить, и не только с Гапоном, но и с Рачковским.

– В Петербурге это делать опасно, – заметил Пинхус, – много нежелательных свидетелей. Предлагаю встретиться в

⁵⁹ Костров – партийный псевдоним Николая Татарова.

⁶⁰ Териоке – сейчас внутреннее муниципальное образование в составе Курортного района города федерального значения Санкт-Петербурга.

доме вдовы Звержинской в Озерках. Скажем двадцать восьмого марта.

Утром двадцать восьмого марта Георгий Гапон проснулся с температурой, накануне он сильно замерз, бегая по делам своего «Собрания».

– Лежал бы ты батюшка дома, – сказала мужу Сашенька, – а я тебе горяченького молочка с маслицем подам.

– Не могу милая, грядут великие дела, – ответил Гапон. Он посмотрел на жену с улыбкой и продолжил: – Мой долг зовёт меня. Буду, как пророк Даниил нести слово Божье среди хищных зверей.

Несмотря на болезненное состояние, Гапон был необычайно весел и возбуждён. В то же самое время, когда Гапон собирался на железнодорожный вокзал в Териоках, Рачковский по телефону позвонил полковнику Герасимову.

– Еду в Озерки, – сообщил он, – там меня будет ждать Гапон. У нас назначена встреча с Пинхусом Ротенбергом. Александр Васильевич, грядут большие дела!

– Пётр вам не следует ехать туда, всё это, может очень плохо закончиться! – воскликнул Герасимов.

– Вам отдохнуть нужно Александр Васильевич, везде бомбисты да убийцы мерещатся, – засмеялся Рачковский и положил трубку на телефонный аппарат.

Однако он призадумался: «Наверняка этот Герасимов что-то знает, но не хочет мне говорить, – Рачковский потёр

лоб рукой, – чёрт его знает, что у этого еврея Ротенберга на уме?!»

Пётр Рачковский никуда не поехал.

Пинхус Ротенберг приехал в Озерки вместе с Фёдором Назаровым, который только что вернулся из Киева. В Озерки с ними в одном вагоне ехали Евгений Кудрявцев, Сергей Ильинский и Лев Зильберберг по кличке Адмирал. Ротенберг провёл боевиков к даче. Кудрявцев, Ильинский и Адмирал остались внутри дачи, а Пинхус и Назаров пошли искать дворника.

Дворнику Василию Матвееву особенно запомнился Фёдор Назаров – высокий, красивый, блондин в тужурке и лакированных ботинках. Он дал дворнику десять рублей, наказав купить, пять бутылок пива и сдачу оставить себе. Обработанный дворник, (бутылка пива стоит одиннадцать копеек), побежал в лавку. Когда он принёс пиво, Назаров забрал себе четыре бутылки, а пятую отдал дворнику, чем окончательно влюбил в себя Матвеева. Он удалился и больше у дачи вдовы Звержинской не появлялся.

Пинхус отправился на железнодорожную станцию встречать Гапона и Рачковского, однако на дачу вернулся только с Георгием Гапоном. Он провёл его на дачу, в большую комнату, а боевики притаились в соседней.

– Пойми Пинхус, нельзя проливать кровь человеческую, даже во имя святых целей, – проповедовал Гапон, сидя на стуле, спиной к двери, где прятались боевики, – нарушая бо-

жескую заповедь «Не убий», не построить светлого царства свободы. Власти в России сами осознают, что не правы в жестокости своей, они протягивают нам руку дружбы, нельзя отвергать её. Нужно сообща искать выход для всеобщего примирения.

Гапон был в ударе, он вновь занимался своим любимым делом – был пастырем душ человеческих, а не политиком. Неожиданно Ротенберг поймал себя на мысли, что он согласен с Гапоном. Что бы стряхнуть с себя чары этого проповедника, он подошёл к столу, взял бутылку пива и налил в стакан.

– Промочи горло батя, – Пинхус поставил стакан с пивом на табурет, стоящий около Гапона.

Тот взял стакан, но, не прикоснувшись к пиву, поставил его на табурет.

– Значит, ты предлагаешь мне сотрудничество с вице-директором Департамента полиции Рачковским? – громко спросил Ротенберг.

– Да, во имя наших великих целей, это необходимо для... – начал Гапон.

В этот момент, в комнату ворвались боевики. Первым был Фёдор Назаров.

– Ах ты, провокатор, сволочь! – Назаров ударил Гапона кулаком в голову, тот свалился со стула. Адмирал накиннул на шею Гапону верёвку, которою нашли в комнате, пока ждали Гапона. Ильинский и Кудрявцев держали руки и ноги Гапо-

на, а Адмирал душил его.

Из пяти человек участвовавших в убийстве Георгия Гапона, четверо погибли в течение ближайших лет. Сергей Ильинский 12 декабря 1906 года застрелит московского градоначальника Шувалова и возле его трупы покончит жизнь самоубийством. Лев Зильберберг (Адмирал) будет арестован за причастность к убийству петербургского градоначальника Владимира Фёдоровича фон дер Лауница. 16 июля 1907 года он будет повешен по приговору суда. Фёдор Назаров сможет уйти за границу, но в декабре 1907 года он нелегально попытается вернуться в Россию и будет убит при переходе границы. Сергей Ильинский будет арестован в 1907 за причастность к боевой организации эсеров и участие в терактах. Он будет приговорён к смертной казни, которую ему заменят пожизненным заключением в тюрьме. Ильинский будет сидеть в Ярославском центре, в 1913 году он повесится в камере. В живых останется только Пинхус Ротенберг. ЦК партии эсеров в газетах заявит, что к убийству Георгия Гапона партия не имеет никакого отношения, и это целиком инициатива Пинхуса Ротенберга. Он будет направо и налево твердить, что Гапон предатель. Эта точка зрения подойдёт всем – революционные партии заявят, что Гапон никаким авторитетом у рабочих не пользовался, а правительство будет утверждать, что Георгий Гапон не мог жить спокойно, потому и изображал бурную политическую деятельность.

В глубине души, Пинхус Ротенберг осознавал всю мерзость своего поступка – участие в убийстве Георгия Гапона. В 1907 году он эмигрирует в Англию. Там полностью отойдёт от революционеров и ударится в религию, в иудаизм. Он захочет избавиться от своих грехов и пройдёт обряд виддуй – покаяние отступника. Причём в его наиболее жёсткой форме – примет тридцать девять ударов плетью на пороге синагоги. После этого обряда, у Ротенберга вся спина будет в шрамах. Он с удовольствием демонстрировал её всем желающим, и только однажды обмолвился, что обряд этот его сподвигнет пройти желание покаяться за убийство Георгия Гапона. Однако дорогой читатель мы ушли далеко вперёд, давай вернёмся в Петербург 1906 года.

5 апреля Сашенька Уздалёва обратилась в полицейскую часть Териок с заявлением о розыске мужа – Георгия Гапона. Полицейский чиновник посоветовал, что Георгий Аполлонович имеет множество любовниц, и предложил Сашеньке искать мужа у них. Та ответила, что искала мужа везде, тогда чиновник принял у Сашеньки заявление на розыск мужа. Об этом тотчас же стало известно Петру Рачковскому, и он вызвал к себе Манусевича-Мануйлова. Тот под псевдонимом «Маска» опубликовал статью в газете «Новое время», в которой сообщалось : « Среди рабочих близких к герою «9-го января» большое смятение. По слухам 28-го марта в Озерках должно было произойти очень серьёзное собрание социалистов-революционеров, на котором должен был при-

сутствовать Гапон. Присутствовал ли он на этом собрании?»

Несмотря на то, что «Маска» в своей статье намекала, где искать Гапона. Полиция, по указанию Петра Рачковского бездействовала. Тем временем в петербургских газетах поднялась шумиха по поводу исчезновения Гапона. Выдвигались различные версии – Гапон сидит в тюрьме или находится у любовницы, возможно, бежал за границу.

29 апреля вдова Звержинская отправила дворника Василия Матвеева в Петербург на Большой проспект. Там в доходном доме Калгина⁶¹ проживал инженер Путилин, (под этим именем Пинхус Ротенберг снял дачу у вдовы). Однако там дворнику Матвееву пояснили, что Иван Иванович Путилин съехал с квартиры ещё 20 января.

30 апреля мадам Звержинская позвала слесаря Александра Либауэра и полицейского урядника Павла Людорфа. Спилев висячий замок на двери дачи, в комнате, подвешенным к вешалке, в полусидячем положении был обнаружен Георгий Гапон. На полу валялись шапка и галоши покойного, а так же визитная карточка Петра Ивановича Рачковского.

Глава 5

*«Прекрасно в нас влюблённое вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,*

⁶¹ Доходный дом Калгина на Большом проспекте – ныне в Санкт-Петербурге это дом № 33 по улице Блохина.

Сперва измучившись, нам насладиться».

Поэт Николай Гумилёв: «Шестое чувство. Стих».

Апрель – май 1906 года.

В то время пока полицейские осматривали дачу в Озерах, где закончил свою беспокойную жизнь Георгий Гапон, уральский казак Фрол Балакирев вёз домой, в станицу Чагановская, сына Прохора.

Прохор Балакирев был ранен в грудь в деревне Старый Буян. Врачи в госпитале Самары пулю вынули, а вместе с ней и часть лёгкого. На то что Прохор выживет, врачи мало рассчитывали. На счастье казака, работал в Самаре старый врач Нестор Васильевич Постников. Он основал в городе «Кумысолечебное заведение»⁶². Кумысом, старый доктор выходил Прохора, наказав на прощание: «Пей Прохор кумыс, доживёшь до преклонных лет».

Военно-врачебная комиссия признала Прохора негодным к службе, и он был отправлен домой. Когда казак возвращается в родной дом с воинской службы – это праздник. С утра в доме Балакиревых суматоха, Дуняша (жена Прохора) со свекровью Натальей Михеевной готовили угощенья для Прошеньки, ну конечно для гостей. Дед Матвей Евсеевич натирал тряпочкой свои два Георгия⁶³. Сумятицу в доме вно-

⁶² Эта лечебница в Самаре была в том месте, где сейчас проходит улица Постников овраг.

⁶³ Георгиевский крест – награда, вручаемая нижним чинам, имела четыре ступени. Эта награда была очень почётна у военных Российской империи. Среди офицеров особым уважением пользовались те, кто был награждён Георгиевским

сил Фрол Балакирев, (которого станичники звали Кромешником), без нужды указывая невестке и жене что делать, и отвешивая младшему сыну Федьке подзатыльники, почём зря. Наконец Федька запряг лошадь отцу, и тот уехал в Гурьев за сыном.

Дуняша Балакирева сбегала в церковь и поставила свечку матери Гугнихе – покровительнице всех влюблённых у уральских казаков. Просила Дуняша у матери Гугнихи долгих лет жизни ей и её Прошеньке.

В три часа дня собрались в доме Балакиревых гости. Казаки выпили и принялись вспоминать свою службу. Водки пока выпили мало, потому до песен и пляски дело не дошло, однако беседа за столом становилась всё оживлённее. Именно в этот момент пришёл в дом Балакиревых кузнец Герасим Афанасьев. Здоровый мужик с сажень⁶⁴ ростом.

– Извини Фрол Матвеевич, – сказал кузнец, – понимаю, что не ко времени пришёл, но уговор был у нас с тобой, что починю к тридцатому апрелю твою борону. Пришёл доложить, работа выполнена.

– Спасибо Герасим за работу твою, – сказал Кромешник, –

крестом. Это значило, что офицер, будучи нижним чином, проявил героизм. Николай II очень хотел иметь эту награду и требовал от военного министерства, что бы ему был вручён Георгиевский крест, однако военное ведомство отказало ему в этом, ссылаясь на то, что в положение об этой награде, указано, что Георгиевским крестом награждаются исключительно нижние чины.

⁶⁴ Сажень – мера длины в Российской империи, равная трём аршинам. Аршин – равен 71,12 сантиметрам.

только давай о деле завтра поговорим, а сейчас не побрезгуй, присядь к столу, отведай наш хлеб-соль.

Поднялся из-за стола слегка захмелевший Прохор Балакирев, налил стакан водки, сказал:

– Выпей с нами Герасим Иванович.

– За хлеб-соль спасибо, – кузнец погладил ладонью окладистую бороду, – тем более день сегодня скоромный, не грех и разговеться. От водки Прохор Фролович, я, пожалуй, откажусь, благодарствую за предложение, но не пью хмельного.

Герасим уселся на краешек лавки, а Дуняша и Наталья Михеевна стали хлопотать возле нового гостя, накладывать ему угощенье. Удивился Прохор ответу Герасима и сел на своё место.

Герасим Афанасьев был из иногородних⁶⁵, со своей семьёй в станице Чаганская поселился лет десять назад. Руки у кузнеца были «золотые», да на беду глотка «лужёная». Пил Герасим водку запойно. Работал так же запоем – перестав пить, сутками не выходил из кузницы. Тогда всё в его руках спорилось, не было вещи, которую не смог бы кузнец починить – ручку ли к самовару припаять, часы настенные отремонтировать, плуг или борону отремонтировать.

Веселье за столом было в полном разгаре, Фёдор Самохвалов – сосед Балакиревых, затянул песню:

⁶⁵ Иногородние – лица не казацкого сословия. Они были ограничены в правах на землях казаков. Селиться в станицах могли лишь с разрешения казачьего круга (собрание казаков).

– Как за батюшкой, за Яикушкой, огонёк горит маленький,

А дымок-то идёт тоненькой,

У огня сидят злы киргизы,

Подхватила песню Наталья Михеевна:

– Что не так сидят, всё добро делят,

Кому золото, кому серебро.

И запели гости хором:

– Досталась тёща зятюшке,

Тёща зятюшке, злу киргизушке,

Как он взял тёщу за праву руку,

Посадил тёщу на добра коня,

Он повёз её во большой аул,

Во большой аул, к молодой ханше,

«Молодая ханша, ты встречай меня,

Я привёз тебе русску пленочку,

Уж ты дай-ка ей делать три дельца:

Перво дельце – ты овец пасти.

Друго дельце – ты кудель прясти,

Третье дельце – ты дитя качать».

«Ты качу, баю моё дитятко,

Ты по батюшке киргизёночек,

А по матушке, мне внучок,

Твоя матушка – моя доченька».

Пока пели казаки и казачки песню, рассказывала Дуняша мужу про кузнеца:

– В прошлое лето лежал Герасим в дымину пьяный в своей кузне, и пришла, говорит, к нему под утро Пречистая Дева, сказала: « Не пей больше хмельного Герасим! Когда придёт время, возьму я тебя за руку и приведу к воротам Рая. Станешь ты святым, а на могиле твоей чудеса твориться будут. А пока быстрехонько езжай в табуны, там киргиз Козейка задумал казацких лошадей умыкнуть». Помчался Герасим в табуны и орёт казакам-стражникам: «Там у вас Козейка табуны покрал!» Заругались тут казаки, стража-то дозором ездит, не дремлет, и Козейки не видели. Всё же казаки Герасима послушались и поехали вновь, глядят, а в соседней балке киргизы казацких коней гуртуют. Как киргизы под носом у казаков коней умыкнули? Непонятно. Налетели казаки на киргизов, коней своих отбили, а Герасим с тех пор ещё много чего предсказал, и всё в точности сбылось. С тех самых пор, он хмельного в рот не берёт.

Кромешник из иногородних, кроме кузнеца, пригласил ещё своих будущих родственников, купца Алексея Иустиновича Шахова и его дочку Наденьку – невесту Андрея. Федька – младший из из сыновей Кромешника, углядел как Надя вышла из-за стола на кухню, и увязался за ней.

– Что ты за столом-то не сидишь? – спросил он девушку. Семнадцатилетний Федька, по казацким обычаям считался молодым, и за стол со взрослыми не допускался.

– Скучно, – пожалала плечами Наденька, – Дуняша-то своего Прохора дождалась, а мне Андрея со службы ещё погода

ждать.

– Может, пока я на что сгожусь? – ухмыльнулся Федька.

– Ростом не вышел, – съязвила Наденька.

Рост для Федьки был большой темой. Прохор и Андрей удались в отца – высокие, светловолосые, а Федька пошёл в маменькину родню. По матери Наталья Михеевна была наполовину казашка. Оттого Федька черняв, узкоглаз да небольшого роста. Однако был силён и ловок. Частенько лупил он своих здоровенных приятелей, за насмешки над его ростом. Однако с Надькой кулаками не помашешь. Потому, сглотив обиду, спросил Федька:

– Небось, письма Андреёнке каждую неделю шлешь?

– На той недели написала, – ответила девушка.

Андрей Балакирев получил письмо от своей невесты в середине мая. Та писала что: «письмо её летит к Андрею на розовых крыльях любви», и что «любовь её неугасима». У всех девиц имелись альбомы, в которых были стишки и тексты подобных писем. Андрей еще, когда был студентом в Петербурге, у сестёр своих приятелей, посмотрелся на эти альбомы. Потому Балакирев бегло прочитав письмо невесты, выбросил его, решив, что ответ напишет позже, пока не до этого. Сейчас его мучило другое – осталась ли, жива Валентина, после декабрьских событий в Москве?

В день святителя Николая Чудотворца⁶⁶ Андрею дали

⁶⁶ В 1906 году праздник Святителя Николая Чудотворца приходился на 22 мая.

увольнительную. Он отправился в Дангуэровскую слободу на розыски Холмогоровых. С его стороны это было неосмотрительно. В Москве хоть и подавлено вооружённое восстание, но полиция в рабочих слободках показываться опасалась – были случаи убийства агентов полиции одетых в штатское и нападение на одиночных городских. Появляться казаку в Дангуэровской слободе тоже было опасно, однако Андрей не думал об этом.

Едва он перешёл Горбатый мост через речку Яуза, и свернул в первый попавшийся переулок, тут же нарвался на шайку Щербатого. Жиганы пытались ограбить Балакирева. Андрей ударом кулака сбил с ног одного из нападавших, но Щербатый сзади тюкнул его в затылок кастетом, и Балакирев в беспамятстве рухнул на землю.

Только Щербатый приступил к осмотру карманов своей жертвы, как на шайку налетел Вовка Холмогоров. Спустя несколько минут, Щербатый и два его подельника валялись на земле, а остальные убежали. Владимир поднял казака с земли, и только тут узнал в нём Андрея Балакирева. Он повёл его к себе домой. Вот таким неожиданным способом, Андрей и нашёл Валентину.

Пока Анна Андреевна и Валька перевязывали голову Андрею, старой рубахой, Владимир пошёл провожать Ивана Смирнова и Михаила Николаева. Причём Владимир сделал так, что бы Андрей, не разглядел лиц его гостей.

– Провожу вас до Лефортова, – сказал Владимир, – со

мною надёжнее будет. Тем более Михаилу в Москве находиться опасно

Михаил Николаев руководил боевыми дружинами на Пресне во время восстания. Когда восстание было разгромлено, Николай Шмидт снабдил его подложным паспортом и деньгами. Николаев перебрался в Петербург. В апреле было решено отправить его в Одессу. Несколько дней он жил у Холмогоровых, и вот сегодня пришёл Смирнов, принёс документы и деньги. Михаил Николаев решил поездом добраться до Самары, а оттуда на пароходе вниз по Волге. Иван Смирнов в этот же день должен был ехать в Петербург.

Семнадцатого мая в два часа дня в Петербурге, Иван Смирнов прогуливался возле Летнего сада. К нему должен подойти человек и спросить: «Уж не лошадь ли сударь ожидаете?»

«Да, только что-то не видать её», – следовало ответить Смирнову.

«Как так не видите?! Да посмотрите получше!»

«Уж не вы ли сударь лошадь?»

«А чем не Лошадь?»⁶⁷.

Смирнов после такого отзыва должен передать деньги этому человеку. Однако до условленного времени было тридцать минут, и Смирнов решил ещё раз провериться, нет ли

⁶⁷ Лошадь – один из партийных псевдонимов большевика Леонида Борисовича Красина (1870-1926). Будущий нарком внешней торговли СССР.

за ним слезки. Проходя мимо ресторана «Поплавок», Иван обратил внимание на высокого господина в сером, клетчатом костюме. Привлекло Ивана в нём то, как элегантно он проверился на предмет слезки, перед входом в ресторан.

– Видать тоже революционер, – с уважением подумал о нём Иван.

Между прочим, Иван Смирнов ошибался, в отношении господина в сером костюме, революционером он не был. Скорее наоборот, он революционеров ловил. Этим господином был жандармский полковник Герасимов – руководитель Петербургского охранного отделения полиции.

В ресторане «Поплавок» у него была назначена встреча с будущим агентом Романом Малиновским. В апреле тот был уволен со службы из Измайловского лейб-гвардейского полка и перебрался в Петербург. Он поступил работать токарем на завод Лангезипена⁶⁸. По совету Герасимова стал Малиновский выступать как пропагандист идей марксизма. Герасимов рекомендовал ему, пока не связываться ни с меньшевистскими, ни с большевистскими организациями социал-демократов.

– Роман Вацлович, эта наша встреча в публичном месте последняя, – сказал ему Герасимов, после того как официант накрыв их стол, ушёл, – в дальнейшем, мы с вами будем встречаться вот по этому адресу.

Герасимов положил карточку на стол и продолжил:

⁶⁸ Завод Лангезипена – ныне ОАО «Завод «Знамя труда»» в Санкт-Петербурге.

– Здесь указан адрес, телефон, дни и часы наших будущих встреч, – Герасимов встал, задвинул свой стул, – сейчас я не буду смущать вас своим присутствием. Обедайте и наслаждайтесь видом прекрасного, солнечного дня.

Герасимов откланялся, и, расплатившись с официантом за заказ, удалился из ресторана. Полковник остался доволен своим агентом. Он считал, что в последнее время ему стало везти по службе. Леонид Петрович Менщиков «сосватал» ему Малиновского, который у социал-демократов сможет пробиться в руководители, а недавно, ему посчастливилось, среди руководства эсеров заполучит отличного агента. Дело было так: в середине апреля Герасимову поступила информация о боевиках, ведущих наблюдение за министром внутренних дел Дурново. Удалось установить, что трое боевиков работают под видом извозчиков и ведут наблюдение за перемещениями министра по городу. Принимая доклад филеров на конспиративной квартире, в доходном доме Шульце на Большой дворянской улице⁶⁹, агент под псевдонимом Лука, докладывал:

– Руководит этими тремя бомбистами толстый господин, я его в отчёте указал как Филипповский.

– Почему Филипповский? – удивился Герасимов. Обычно филера, (агенты наружного наблюдения) давали своим объектам наблюдения клички, соответствующие их физическим признакам: Длинный, Толстый, Вертлявый и так далее.

⁶⁹ В современном Санкт-Петербурге это дом № 22 по улице Куйбышева.

– Ваше высокоблагородие, я раньше служил в Москве у Евстратия Павловича Медникова⁷⁰, – докладывал Лука, – он мне этого человека в Москве у кондитерской Филипповского показал. Потому я его в отчёте так и указал. Евстратий Павлович мне тогда сказал, что это очень важный секретный сотрудник полиции.

– Интересно! – задумчиво произнёс Герасимов.

Распустив агентов наружного наблюдения, полковник Герасимов направился в Департамент полиции к Петру Рачковскому.

– Пётр Иванович, кто из ваших секретных агентов имеет сношение с бомбистами, готовящими покушение на Дурново? – спросил Герасимов.

– Господь с вами Александр Васильевич! – всплеснул руками Рачковский. Он вышел из-за стола и заходил по кабинету, остановившись, стал причитать: – Я потерял покой, измышляя, как проникнуть в среду этих бомбистов, а вы мне о каких-то секретных агентах толкуете.

Обескураженный Герасимов покинул кабинет Рачковского: кому верить, филеру или вице-директору Департамента полиции?! По дороге в своё отделение, он успокоился, и решил, что, пожалуй, филеру веры больше, чем Рачковскому. Полковник приказал Луке со своими людьми, осторожно задержать Филипповского. Те сработали чисто и аккуратно.

⁷⁰ Евстратий Павлович Медников – глава службы наружного наблюдения Российской империи.

– Я инженер Черкас, за что меня арестовали?! – возмутился Филипповский. – Меня знают в высшем обществе! Предупреждаю, вам это с рук не сойдёт!

– Господин Черкас, ответьте на один вопрос и тут же будете свободны, – улыбнулся Герасимов. Он посмотрел в глаза Черкасу и спросил: – Вы являетесь секретным сотрудником полиции или нет?

От этого вопроса, Черкас вздрогнул, побледнев и тихо ответил:

– Нет.

Он попятился от Герасимова и заорал:

– Нет, чёрт бы вас побрал!

– Хорошо. – кивнул Герасимов, – время терпит. Посидите пока у нас несколько дней, а я соберу о вас все сведения. Вахмистр! В камеру этого господина!

Через два часа Черкас попросился на беседу к Герасимову.

– Вы правы, я действительно секретный сотрудник полиции и готов ответить на все ваши вопросы, – сказал он. Он сел на диван стоящий в кабинете Герасимова, и продолжил: – Но говорить я буду в присутствии своего начальника Пётра Ивановича Рачковского.

Герасимов по телефону вызвал Рачковского. Тот, увидев Черкаса, обомлел и только смог произнести:

– Александр Васильевич это наш сотрудник Евно Фишлевич Азеф.

Потом началась бурная сцена, Азеф кричал на Рачковского, что тот его бросил на произвол судьбы, вице-директор Департамента полиции сидел на диване с видом побитой собаки. Тогда в дело вступил Герасимов и предложил забыть все старые обиды. Воспользовавшись вспышкой злобы против Рачковского, полковник Герасимов предложил Азефу работать на него. Деваться Азефу было некуда, и он согласился.

– Ну раз все недоразумения улажены, позвольте откланяться господа, – сказал Рачковский и вышел из кабинета.

Полковник Герасимов понимал, что он отобрал у Рачковского ценного агента, и ломал голову как бы задобрить Пётра Ивановича. Однако того теперь такие мелочи как потеря агента, уже не интересовали. Под ним закачалось кресло – 22 апреля покровитель Рачковского председатель Совета министров Сергей Юльевич Витте был отправлен в отставку. На министра внутренних дел Дурново, Пётр Иванович так же не мог надеяться, тот уходил в отставку вместе со всем кабинетом министров. Николай II предложил ему должность министра внутренних дел в новом кабинете министров, но Дурново благоразумно отказался, понимая, что министры МВД в Российской империи долго не живут. Новый министр Пётр Аркадьевич Столыпин по какой-то причине Рачковского не жаловал. В то же, время директор Департамента полиции Эмануил Иванович Вуич, спал и видел, как бы уволить Рачковского.

Когда Пётр Рачковский приехал в свой кабинет, позвонил

Герасимов и стал извиняться перед ним, за то, что перема-
нил к себе Азефа.

– Пустое, – вздохнул Рачковский, и от нахлынувших
чувств, пожаловался жандармскому полковнику, о том, что
вероятно скоро лишиться своего мета.

– Что произошла с Государем?! – воскликнул Рачковский,
после своей пронзительной речи.

– Я вас не понимаю, Пётр Иванович, – осторожно сказал
Герасимов.

– Государь так уважал Сергея Юльевича и вдруг охладел
к нему. Чьих рук это дело?! Чьи козни?! Кто виноват?

Свою роль в отставке Витте сыграл Гришка Распутин. В
начале апреля 1906 года, он был приглашён в Александров-
ский дворец Царского села. Гришка беседовал с царём и ца-
рицей в саду, а цесаревич Алексей которому не было ещё и
двух лет, бегал рядом. Ребёнок споткнулся, упал и оцарапал
коленку. У цесаревича Алексея была гемофилия (несверты-
ваемость крови), при такой болезни, даже малейшая ранка,
грозит смертью от потери крови. Во дворце поднялась па-
ника. Гришка Распутин в детстве сам был болезненным ре-
бёнком, и его лечила знахарка бабка Лупаниха. Однажды, он
спросил её:

«Бабушка, а как ты одними и теми же словами в заговоре
и больной зуб лечишь, и простуду?»

«Эх, милоч, не в словах, а в вере дело, – вздохнула бабка
Лупаниха, – человек верить должен, что ты ему поможешь,

тогда он хворь свою преодолает».

Гришка схватил на руки цесаревича и стал шептать ему слова молитвы, укачивая ребёнка. Тот от монотонного Гришкиного голоса сначала перестал плакать, а потом успокоился и стал засыпать. Когда ребёнок крепко заснул, кровь перестала идти. Гришка отдал цесаревича врачам и те с удивлением заметили, что кровь в ранке ребёнка свернулась. После этого в Гришкину «чудотворную силу» поверили Николай II с женой.

Царь пожаловался Гришке, что он измучен бунтами в стране, а Витте идёт на поводу у смутьянов. За два дня до этого, Распутин был в гостях у Александры Ивановны Горемыкиной – жены важного сановника. В салоне мадам Горемыкиной тоже критиковали деятельность Витте. Деревенский мужик Гришка Распутин ничего не понимал из этих разговоров. Но ему нравилось, как почтительно его принимали в доме Горемыкиных, и он сказал царю:

– Э, батюшка, немчура не уразумет русского человека. От того и беды в России, что немчура правит. Русский Иван нужен, он всю Россию-матушку уразумет. Есть один такой, Иван Горемыкин. Ты его поставь, хоть и фамилия у него бедовая. Но горя мыкать с ним батюшка ты не будешь.

– Ники! – воскликнула императрица. Она подошла к мужу, схватила его за руки и страшно заговорила: – Устами божьего человека Григория, с тобой разговаривает Господь! Послушай его, и сделай, как он говорит. Во имя всех нас!

Так неожиданно для всех председателем Совета министров стал Горемыкин Иван Логгинович – человек недалёкий, такой же, как Николай II, но император был доволен, потому как мог с Горемыкиным разговаривать на равных.

Глава 6

«И белый ангел в поднебесье.

Свободе славу протрубит,

Взойдёт сиянье над планетой,

Как озарённая мечта,

И воспарит душа поэта,

В лучах возвышенно чиста».

Иосиф Джугашвили, стихотворение «Поэт».

Апрель – июль 1906 года.

После заключения соглашения с жандармским полковником Герасимовым, Евно Фишлевич Азеф выехал в Москву. Ему нужно было срочно повидаться с Борисом Савинковым. Встреча происходила на квартире Владимира Вноровского, который жил в доходном доме Ильиной в Большом Каретном переулке⁷¹.

– У нас проблемы, Семён Семёнович куда-то пропал, – сообщил Савинков.

В феврале Борис Савинков на неделю уехал из Петербурга в Москву. У него была явка члена Боёвки живущего в Москве – Бориса Вноровского. Узнав от Савинкова, что руководство партии приняло решение убить Московско-

⁷¹ Ныне это дом № 2/9 в Большом Каретном переулке.

го губернатора адмирала Дубасова, Борис тут же предложил включить в группу своего брата Владимира и его жену Маргариту Грунди. Пятым участником группы стал Василий Шиллеров. Как только группа боевиков сложилась, Савинков дал телеграмму Опанасу (Борису Моисеенко): «Ма-тушка хочет повидать Семёна Семёновича». Это означало, что московской боевой группе требуется химик для изготовления бомб. Семён Семёнович выехал в Москву. В марте у группы Бориса Вноровского четыре раза срывалось покушение на Дубасова – то губернатор неожиданно менял свои планы, то ехал в сопровождении казаков.

После убийства Гапона, Савинков окончательно перебрался в Москву. Анализируя все неудачные попытки покушения, Савинков пришёл к выводу, что лучше всего ждать Дубасова возле его дома на Тверской площади. Вот тут-то группе и улыбнулась удача, в первый же день наблюдения за домом Дубасова, Мария Грунди установила, что она знает адъютанта губернатора – корнета Коновницына.

Сергей Николаевич Коновницын в 1886 году после окончания Тверского кавалерийского училища был выпущен корнетом в 1-й Московский лейб-драгунский полк, однако прослужил там не долго. Он влюбился в Зиночку Протасеву, дочку судьи рязанской судебной палаты. Коновницын вышел в отставку, женился на Зиночке, и с молодой женой уехал в имение Сапожково Рязанской губернии, которое до-

сталось ему в качестве приданого за женой. Там он в спокойствии и достатке проживал среди варенья и парного молока, изредка поигрывая в карты с соседями-помещиками. Когда началась русско-японская война, Сергей Коновницын добровольно пошёл воевать. Коновницын стал ординарцем генерала Куропаткина. Под Мукденом корнет был ранен в ногу и отправлен в Москву на излечение. Машенька Гринди после окончания фельдшерских курсов была сестрой милосердия в одном из московских лазаретов, там она и повстречалась с Сергеем Коновницыным. Вспыхнул бурный роман между двадцатилетней медсестрой и сорокалетним воякой. Влюбился Сергей Коновницын в свою Машеньку. Вскоре война с Японией закончилась, а в декабре 1905 года в Москве случилось восстание. Эти бурные события раскидали влюблённых – Машенька стала сестрой милосердия в одной из боевых дружин эсеров, а Сергей Коновницын явился к московскому генерал-губернатору Дубасову и просил прикомандировать его к любому из расположенных в Москве полков. Адмирал Дубасов предложил ему должность своего адъютанта. Сергей Коновницын разыскивал в Москве свою Машеньку, да разве в той круговерти, что была тогда в городе, её найдёшь?! Мария Гринди вступила в партию эсеров и влюбилась во Владимира Вноровского. Они стали жить гражданским браком, без венчания. Обряд венчания оба считали предрассудком.

В начале апреля, Сергей Коновницын «случайно» повстречал свою Машеньку, прямо около дома губернатора.

Теперь группа боевиков могла получать все сведения о передвижениях московского губернатора. Борис Савинков планировал провести покушение на Дубасова 23 апреля. Боевики знали, что губернатор поедет в Большой Успенский собор на праздничное богослужение, посвящённое второй неделе Пасхи. Домой Дубасов должен вернуться к обеду. Накануне покушения, Семён Семёнович сообщил Савинкову, что большая часть привезённого им из Гельсингфорса динамита непригодна. Он смог из него изготовить только две бомбы. Всё же Борис Савинков решил покушения не откладывать. Бомбы были уложены в коробки из под конфет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.